

ИСПОРЧЕННЫЕ СКАЗАНИЯ

— ТОМ IV —

ПРОБУЖДЕНИЕ ЗНАМЕН

КНИГА III

Ксен Крас

Ксен Крас

**Испорченные сказания. Том IV.
Пробуждение знамен. Книга 3**

«Автор»

2026

Крас К.

Испорченные сказания. Том IV. Пробуждение знамен. Книга 3 /
К. Крас — «Автор», 2026

Лорды и леди сменяют друг друга, одни выходят из игры, по своей или чужой воле покидая земли, другие, после многолетних скитаний, возвращаются домой. Пока одни заняты выживанием и собирают вокруг союзников, готовых бороться за будущее, другие пользуются ситуацией, чтобы позабыть о законах и правилах, привечая лишь тех, кто поддерживает их безумие. Предводитель Культа Первых пленен, однако это не повод радоваться. Дар крепнет, его влияние на умы людей растет с каждым циклом. Пути союзников расходятся, дружеские узы распадаются, а жажда власти и предчувствие надвигающейся опасности порождают неожиданные союзы. Интерес знати к Новым Землям угасает, но жизнь на материке не замерла. Существа, память о которых осталась лишь в преданиях дикарей, пробудились. Более невозможно цепляться за прошлое, однако большинство правителей предпочитают закрывать глаза на изменения в мироздании. Во всем королевстве и в Новых Землях вздымаются штандарты готовящихся к битвам. Наступила пора пробуждения знамен.

Содержание

Глава XXXIII. Тоб	5
Глава XXXIV. Ильма	16
Глава XXXV. Арло	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ксен Крас

Испорченные сказания. Том IV.

Пробуждение знамен. Книга 3

Глава XXXIII. Тоб

– Зэу! – уже в который раз воскликнула Даффа. Наверное, можно было исчислять ее крики десятками десятков.

Тоб не любил считать, потому что это ему плохо давалось. Ради монет он бы еще сделал исключение, но вопли никогда не привлекали его так же сильно, как и золото.

Душевнобольная женщина не могла позаботиться о себе, не могла вспомнить какие-то эпизоды из прошлого и запомнить, как забираться в платье, она постоянно путала вырез для головы с рукавом и наоборот. Даффа не понимала, когда нужно смотреть под ноги, и не отвечала на вопросы о том, насколько голодна или замерзла. Зато в упрямстве ей было не сыскать равных.

С самого момента расставания с рыцарем Тоб слышал от спутницы одно и то же. Женщина просила ученика лекарей спасти мужчину, умоляла, приказывала, угрожала, топала ногами, иногда даже лезла драться. Леди вопила, прямо как рожающая корова, мычала один-в-один, со злостью трясла кулаками. Минута за минутой, час за часом пару раз на привале она бодала юношу и один раз перестаралась, ударив того лбом в нос.

Подозрения Тоба о том, что между его спутниками и впрямь разгораются чувства, подтвердились. Что ж, он был прав и мог гордиться собой. Только легче от этого на душе не становилось.

– Перестань и ешь! – в ответ на бесполезные повторения имени рыцаря Тоб сунул в руки Даффе успевшую остыть за время капризов распотрошенную рыбину. До этого он лично вынул хребет, вытащил внутренности, забирая себе то, что счел вкусным, и после оторвал голову, так как леди уже, бывало, не смотрела что тянет в рот. В похлебке все кроме плавников хорошо проваривалось, но для подачи отдельного блюда приходилось лишний раз попотеть.

Женщина капризно замотала головой, не желая ничего принимать. Она уже обозвала Тоба врагом королевства и дважды угрожала отдать брату и отцу, чтобы те казнили изменника. И эти моменты следовало называть просветлением.

– Верни Зэу.

– Не могу я его вернуть, я же тебе уже говорил. Ешь, а не то сил не будет. Зэу придет, а ты тут дряблая лежишь, и встать не встаешь. Слабая и старая, и некрасивая потому что все обвиснет. Ты такая ему не годишься. Ешь!

– Зэу! – Даффа опустила руки, отказываясь от еды.

– Зэу будет после, а пока ешь!

– Сначала Зэу, – ум леди остался где-то далеко, а напора и требовательности хватило бы на королевские род и остальные Великие Династии.

Подобный разговор повторялся из раза в раз. В первые дни Тоб привязывал Даффу к дереву и приматывал ее руки к телу, а затем старался накормить беспомощную хоть как-то. Получалось далеко не всегда. Пеленать леди тоже удовольствия доставляло немного – сын крестьянина хоть и возмужал за время учебы и путешествия, но был один и против женщины, которой опасался сделать больно. Она, напротив, ничего не боялась; охотно пиналась, дралась и кусалась. Крестьянин боялся, что на его руках надолго останутся отметины о тех веселых

деньках. Только волнение за ставшую родной женщину и обещания, данные рыцарю, помогали Тобу переживать неприятности. Его сил и хваленной выдержки хватило ненадолго.

К вечеру того дня, как леди с защитником сбежали от рыцарей, зарядили дожди. Тоб продолжал гнать коня до самой темноты, а после пустил его шагом. Зэу не зря отдал ему своего скакуна, тот был быстрее, выносливее и неплохо понимал, чего от него хотят. Смирный и послушный, самое то, когда на спине раскачивается и хрипит, давясь слезами, женщина. Насколько ученик лекаря помнил, верного четырехногого помощника рыцарь украл у Серых, когда бежал. Зэуран всегда хорошо понимал, что и кого надо красть.

Скакун не фыркал и не брыкался, он перешел на шаг, как только крестьянин пожелал этого. Животное, в отличие от наездника, не боялось темноты и посторонних звуков и медленно и аккуратно двигалось в неизвестность. Тоб думал, не тогда, намного после, когда перевел дух, что он уж точно поломал бы в полумраке ноги и нашел овраг, в который можно упасть, а может корягу, о которую не преминул споткнуться, но конь – не зная имени, бывший крестьянин так и звал животное Конем – был самоуверен и прекрасно справлялся с обязанностями.

Даффа к вечеру устала кричать, за время скачки она сорвала горло и только сипела одно и то же. Неразборчивое, хоть юноша понимал, что на самом деле пытается сказать женщина. Драться леди тоже перестала, выбившись из сил, а после заменила выражения недовольства на всхлипывания.

Тоб и сам бы начал плакать, если бы не усталость и страх. А еще ответственность за спутницу, которая в нем нуждалась. Поддаться панике или бросить леди было так же жестоко, как оставить умирать младенца.

Несколько раз, под утро, юноша засыпал в седле, он мог бы вывалиться, постепенно наклоняясь то вперед, то в сторону, но его будила беспокойная женщина. Как только она начала копошиться и ворчать, ученик лекаря открывал глаза и смотрел в рассеивающуюся понемногу темноту. Только ближе к полудню, в конец вымотанный, он решился устроить привал. Больше ни Тоб, ни Даффа не могли терпеть. Скопившаяся усталость и ноющее тело победили страх быть пойманными. Тот обещал вернуться после пары часов сна, но не раньше.

Каждые сколько-то часов, сколько именно, юноша затруднялся ответить, уже отдалившись от места ночлега, путники делали небольшие остановки. Чтобы леди могла справиться надобности или попила, но всякий раз Даффа норовила повернуть обратно, не всегда выбирала нужную сторону и бежала куда глаза глядят. После четвертого такого раза сын крестьянина перестал развязывать женщину, но это не помогало. Каждый привал заканчивался одинаково – леди возвращали обратно и запихивали в седло, уворачиваясь от норовящих пнуть спутника ног. Справляться с буйной спутницей юноше не нравилось. Он и позабыл, как сложно бывает с плохо соображающим человеком, который, хоть и слабее, но упрям, капризен и не думает ни о каких последствиях. Ни для себя, ни для окружающих.

На Острове Тобу довелось присматривать за разными несчастными, но если у него не получалось кого-то помыть, он звал на помощь других учеников или стражу. Лекарей предпочитали не тревожить, те любили наказывать за слабость и глупость, и неустанно твердили, что сами проходили через такие же испытания без чьей-либо помощи. В Пристанище не приходилось никого засовывать в седло, влезать самому и при этом смотреть, чтобы этот кто-то не вывалился с другой стороны. Даффа успела трижды подряд упасть, пока крестьянин не понял, как именно следует действовать, чтобы избегать этого. Первое падение, когда леди порвала рукав, расцарапала себе колено и ушибла руку ничему ее не научило, после второго она попыталась уползти, а после третьего – разревелась.

Во время привала Тоб устал постоянно ловить не желающую понимать очевидного даму. Он промок, замерз, был напуган, голоден и постоянно кричал на леди. Потом ему было стыдно, но через какое-то время он снова срывался.

С каждым днем Даффа становилась вреднее, она упиралась, дергала веревки, которыми ее привязывали и кричала, как только проходило горло. Иногда она звала Зэурана, в счастливые минуты, пока леди забывалась и не помнила что, где и зачем, наступали краткие миги тишины и сын крестьянина упивался ими. Но большая часть криков не имели никакого смысла, в них было не разобрать слов.

Для еще менее приятного путешествия природа устраивала испытание за испытанием. Зарядили ливни, они усиливались изо дня в день, а дороги размыло водой. Любое возвышение превращалось в непреодолимое препятствие, трава с комьями почвы сползала вниз, раслаиваясь под копытами, и чаще всего юноше приходилось спускаться и вести Коня за собой. Он сердился, скакунов не зря называли скакунами, что они должны были скакать и носить на спине людей. А еще Тоб сердился на грязь и лужи, конь не мог нестись во всю прыть на ровной дороге, а рыцари, скорее всего, уже шли по следу. И их кони наверняка были лучше, быстрее и умнее.

Во время первого небольшого привала развести костер не получилось. Тоб попытался запихать в женщину немного сухарей и завалявшийся кусок вяленого мяса, как раз припасенный на такой случай, но она наотрез отказалась есть. Настойчивость и забота окончились сразу же, как только Даффа решила укусить протянутую руку. От одного дня леди не ослабнет – так рассудил Тоб и сам с удовольствием подкрепился лишней порцией. Это немного помогло согреться и успокоиться, жаль, что ненадолго.

Уже к обеду двое спасшихся двинулись дальше. Юноша постоянно оглядывался, он боялся увидеть всадника позади, боялся, что лишится головы и не успеет понять, кто и как его убил, еще больше – что успеет пережить полные страха мгновения. Не меньше Тоб переживал, что снова попадет к кому-то вроде культистов. От каждого звука он вздрагивал и конь, повинаясь его настроению, наострял уши.

Второй раз идти по темноте было опасно. Животное устало, оно проголодалось и нуждалось в воде и отдыхе, крестьянский сын натер себе что только мог, и Даффа стала тише, скорее всего по той же причине, лишь иногда она кряхтела. Когда, уже около полуночи, передвигаясь так медленно, что в стоянии на месте толку и то было больше, конь под Тобом зафыркал, ученик лекаря оцепенел от страха и едва сдержал рвущийся из глубины нутра ком.

В полумраке юноша разглядел врага. Высоченный, широкоплечий, тот расставлял очень длинные руки, словно приглашая к себе в убивающие объятия. Поначалу казалось, тот расклевывается и медленно придвигается к путникам и вот-вот нападет на них. Минуты шли, а противник не приближался.

Только через несколько минут сомнений Тоб решился податься вперед. Оказалось, что ученик лекаря увидел сквозь пелену дождя всего лишь дерево. Оно стояло на берегу небольшого прудика, воды в котором прибавилось из-за непрекращающихся потоков.

Мокрая и скользкая земля под кривым деревом была крепкой из-за корней и мелкой выющейся травой, и показалась более сухой. К тому же крестьянин помнил, как Зэу привязывал к ветвям покрывало, чтобы немного защитить костер от капель. Тобу повторить опыт не удалось, тряпка промокла в считанные минуты, постоянно падала, а очередной порыв ветра оторвал ее и унес в воду. Пока крестьянин бежал за следом, глупое одеяло успело перепачкаться и пропитаться, а по возвращению оказалось, что Даффа хотела перегрызть веревку, извиваясь в грязи и растерла себе кожу в уголках рта.

Конь тем временем поскользнулся и упал, пока подползал к воде, только Боги помогли ему не переломать ноги.

Костер так и не удалось развести, а чтобы засунуть в женщину сухари, к тому моменту превратившиеся скорее в мокрую кашу, юноше пришлось попотеть. И еще больше, пока он промывал рот леди и обрабатывал стертые от сидения ноги какой-то завалявшейся во выюке

вонючей мазью. Седельная сумка Зэурана хранила много полезного, даже издали мужчина заботился о спутниках.

Даффа в конце концов уснула, укутавшись с головой в грязное мокрое покрывало и крепко привязанная к стволу дерева. Тоб же с трудом сумел задремать и просыпался по десятку раз. Звуки и тени мерещились уставшему крестьянскому сыну. Только на утро он вспомнил, что не привязал коня, эта мысль разбудила его и юноша вскочил на ноги так поспешно, что перепугал леди. Животное, за что следовало восславить Богов еще раз, было неглупым, и осталось с новыми хозяевами, самостоятельно находя пропитание среди грязи, воды и поломанных ветром ветвей. Жаль, что Конь не мог найти еды Тобу и леди, тогда бы он стал бесценным.

За ночь дожди прекратились, заметно потеплело и на какое-то время Тоб даже подумал, что он со всем справится. После потери Зэурана он оставался единственным мужчиной, обязанным заботиться о Даффе. Эта роль должна была греть ученика лекарей, однако скорее сердила. Он не хотел этого, не просил об этом и с удовольствием переложил бы ответственность на кого-то другого, но не получалось. Юноша дал слово доставить Даффу в замок, тогда они оба находились под защитой мудрого рыцаря, еще не успели повстречать культистов и более опытных и опасных сирот, и Тоб пообещал бы что угодно, уверенный в завтрашнем дне. Считать себя героем вроде Дневного Света проще, если не приходится брать ответственности, только следовать за сильным и думать, как будет здорово в конце пути.

Вскоре дождь вновь начался, он следовал за Тобом и Даффой по пятам. Не отставал, напротив, словно появлялся прямо над ними.

Через четыре, а может и пять или шесть дней, которые стали кошмаром, замерзший, не успевающий просохнуть ученик лекаря оглядывался назад уже без страха натолкнуться взглядом на всадника. Может быть, плен не так ужасен, и в замке с рыцарями, чего бы они там ни желали делать, было хорошо, тепло и сытно. На появление недругов Тоб теперь смотрел скорее как на возможность согреться и поесть, чем на опасность, пожалуй, ждал и надеялся, что встретит хоть кого-то, кто возьмет его под опеку. А еще через пару мучительных дней Тоба перестала пугать и смерть. Почти. Мертвые не страдают, им уже все равно. Короткий миг боли и страха, и все закончится.

Только воспоминания поддерживали юношу. Он думал о том, как Зэуран в последнее утро снова заводил разговор об отдельном доме, своем клочке земли, о мирной жизни, семье и простом счастье. Нежелание Тоба снова становиться крестьянином сир тоже учитывал и потому предлагал тому найти хорошего лекаря в ближайшем городе, чтобы доучиться. Мужчина говорил, что они обязательно заработают или отыщут иным способом монеты на это, и тогда Тоб станет полноправным знахарем и будет почитаем всеми окрестными жителями. Женщинами и молодыми девами в том числе.

Иногда юноша ругал рыцаря и напоминал ему о великой миссии – отомстить за убийство Его Величества и собственную уничтоженную жизнь. Зэуран говорил о мести и ненависти к врагам без конца, он засыпал со словами о страстных желаниях и просыпался с ними. Он повторял имена, заставлял Тоба все запоминать, но в какой-то момент вдруг переменялся. Кто-то сломал рыцаря, избавив от единственной заветной цели.

Более бывший воин Серого Ордена не стремился нести справедливость, его перестало интересовать место в замке, он не грезил о вычурных доспехах, о крепком мече и ножнах с золотой вязью. А когда Тоб узнал, что его обманывали и никаких обещанных монет не существует, Зэу принялся чаще и с большим нажимом повторять про размеренную жизнь, стараясь переубедить друга.

Сделать этого не получалось и потому, что ученик лекаря сам не понимал, чего на самом деле желает. Жить в замке он хотел, но только вместе с рыцарем и леди, к первому он привык, а вторая уж точно помогла бы ему стать важным и ни в чем себе не отказывать. Без этих двоих столица пугала, Зэуран рассказывал, что Санфелл опаснее, больше и непонятнее, чем

тот замок, где они гостили у сиров и Пристанище на Острове, раз в пять. Представить такое было сложно.

Тоб понимал, с одной стороны, Зэу преувеличивает, но с другой – король ведь богаче рыцарей, а значит, он может позволить себе больше скатертей и гобеленов, больше комнат и еще более путанные коридоры, много, очень много лестниц, башен, картин на стенах, правил А в такие огромные замки взлезет очень много людей и все они будут важнее Тоба.

Без Даффы и Зэурана делать в столице такому как Тоб нечего. Долг Зэу считал почти выплаченным, он не желал отказываться от обещания и верил, что обязан поведать обо всем, что ему довелось увидеть и услышать, предостеречь Его Величество от врагов, остающихся вокруг, но после сира ждала свобода. Отправление на Остров лишило его рыцарства, он называл себя тем человеком, каковым на самом деле уже не являлся.

– Зэу! – снова упрямо топнула ногой Даффа. Грязь полетела в разные стороны. Женщине понравилось это, а может, она не думала и затопала пуще прежнего на месте, продолжая выкрикивать имя рыцаря и высказывая громкие и емкие требования его вернуть.

– Хватит! Даффа, перестань. Тише – ученик лекаря отступил. Леди остановилась. Может, послушала, а может забыла, что хотела делать, – Хорошо. Теперь ты. Ты поешь и тогда мы пойдем искать Зэу? Голодными нечего шастать по лесам.

Сестра короля насупилась и покачала головой. Мокрые волосы прилипли ко лбу, ее чепец намок; извалявшись несколько раз в грязи, он перестал быть синим, теперь его цвет не получилось бы определить с первого раза ни у кого, Тоб именовал его серо-грязно-непонятным. Впрочем, как и всю остальную одежду. Как и весь мир вокруг.

– Ты мне не веришь? – юноша вздохнул. Недоверие было оправдано, он уже четырежды так обманывал леди. Какую бы болезнь ни наслал Бог Мучений, верить в одну и ту же ложь бесконечно женщина не могла, – Есть надо. Чего Зэу б сказал, а? Он бы ругался на тебя страшно, как я. Сердился бы ух как!

Имя рыцаря вызвало очередную волну нытья и просьб вернуть мужчину. Уставший Тоб не хотел ничего слушать, он продолжал совать Даффе рыбину. Наконец, женщина соизволила ее взять, а затем взмахнула руками и бросила еду за Тоба. Недалеко, ей не удалось хорошенько размахнуться. Тушка упала в лужу и быстро погрузилась в мутную воду почти целиком.

Тоб охнул, наблюдая, как сестра почившего короля безжалостно расправляется с завтраком, тем, ради которого он потратил столько сил, и без того скудных. От обиды юноша повернулся, больно ударил леди по мокрым рукам и поспешил спасать пропитание. Сколько бы он ни тряс рыбину и ни вытирал ее рукавом, это не помогало. Песчинки, частички грязи, травинки и листики налипли со всех сторон, делая еду непригодной. Тщетные попытки отмыть завтрак под потоками дождя закончились такой же неудачей.

Крестьянский отпрыск от души пнул грязь в сторону рыдающей и прижимающей к груди руки Даффе. Она разревелась пуще, а Тоб продолжал сражаться с равнодушной к его страданиям влажной почвой до тех пор, пока не замахнулся слишком уж неудачно. Он с силой ударил землю, захрипел, схватился за ушибленную ногу, поскользнулся и с размаху шлепнулся в грязь. Леди перестала рыдать, а конь фыркнул. Наверное, зверь хотел от души посмеяться над юношей.

Чувство вины за то, что он ударил глупую женщину засело в душе Тоба. Он не должен был бить Даффу. Сначала отец, а после и Зэу говорили, что нельзя трогать тех, кто слабее, ничего не понимает и зависим. Так не поступает ни один мужчина, а юноша, хоть и не желал ничего решать, не хотел переставать быть человеком. Да, он рассердился, потому что сначала ловил несколько часов глупую рыбину, затем чистил, разводил костер, который сначала не желал гореть из-за сырых дров, а после постоянно затухал. Юноша ободрал себе пальцы, чтобы натянуть глупое грязное покрывало, содрал до крови колени, пока лазил по деревьям, ушиб

голову, расцарапал щеку, собирая в лесу подходящие дрова. Он изрезал руки, пока нарубал щепки и отбирал самые сухие из них.

Ученик лекарей скакал вокруг пламени как вокруг долгожданного первенца, который сумел выжить и теперь делал неуверенные шаги. Тоб устал, поджаренная рыбина была его наградой за старания и единственным подарком для горюющей Даффы. Больше он не мог сделать для нее ничего.

Безусловно, еда не вернула бы Зэурана, она не сумела убрать дурные мысли и никогда не излечила бы леди, не вернула ей то, что давно потеряно. Но Тоб надеялся ненадолго отвлечь небезразличную ему женщину и получить от нее хоть какие-то слова благодарности. Особенно он желал последнего, чтобы понять, ради чего старается. А чего он добился вместо этого?

К ливню прибавился еще и ветер, Тоб поежился от порыва, мокрая рубашка прилипла к и без того продрогшему телу. Иногда казалось, что ходить голым теплее.

– Даффа, прости, – юноша поднялся, кое как отряхнулся – это было бесполезно – и доковылял до дерева. Обиженная леди повернулась к нему спиной, продолжая прижимать к телу руки, – Прости. Мне жаль. Прости меня

Придумать большего не получалось. Тоб обнял женщину; она немного поотнекивалась, подергала плечами, помахала руками, не глядя, а после затихла. Осмотреть кисти женщина позволила вскоре после примирения, на них к тому моменту прошла краснота от удара, может, они уже и не болели, и Даффа скорее опасалась, что снова по ним получит.

Своего ученик лекаря добился – спутница отвлеклась от мыслей, перестала требовать добыть ей из ниоткуда рыцаря и в конце концов утомилась ворчать на приятеля. Тогда юноша разделил вторую рыбину пополам. Такой порцией никто из них не смог бы насытиться, ее было, мало, но иначе поступить он не мог. Хотел, на несколько минут подумал, что лучше съест холодную тушку сам, но совесть оказалась сильнее.

Две другие, немного сыроватые, Тоб спрятал в сумку, завернув в чистые и влажные тряпки. Долго храниться добыча не сможет, рассчитывать на приятный вкус тоже не стоило, но жарить рыбин дальше не хотелось. Пламя все же потухло перед тем, как Тоб решился накормить Даффу, а из-за сильных порывов ветра ветка, держащая покрывало оторвалась. Поток воды обрушился на тлеющие угли, те зашипели, и ученик лекаря их понимал, и желал поддерживать, издавать такие же звуки.

Даффа плевалась несчищенными чешуйками, выставляла язык на всеобщее обозрение и чесала его грязными пальцами. Не справляясь, она указывала на рот спутнику и тот, бурча, помогал избавиться от лишнего. Глотать что дают Старскай отказывалась, заявив, что такому ее в величественном замке не учили, а его, приятеля, высекут за то, что он не приготовил яства в лучшем виде. Когда Тоб отвязал леди, чтобы та прошла и сделала что ей необходимо перед поездкой, момент просветления кончился – Даффа нашла палочку и решила поджечь ее от потухшего костра. Мокрая древесина не загоралась от мокрых же углей и это расстраивало леди. Она поковыряла пепел, чуть не сунула в него руки, а когда Тоб усадил ее на коня, принялась перебирать гриву и вытаскивать из нее листики и видимые лишь ей крошки.

Наступившая идиллия отвлекла ученика лекаря, он запоздало понял, что распогодилось. Дождь прекратился, ветер поутих, он был скорее легким и приятным, если порывы и случались. Из-за расступившихся темных, тяжелых туч выглянуло солнце. Серый день за считанные минуты превратился в ясный. Тоб даже зажмурился от света. Пользуясь возможностью, юноша положил на круп позади себя сложенное несколько раз покрывало, чтобы то хоть сколько-то просохло. Конь не оценил такого отношения, но его мнения никто не спрашивал.

Через час пути ученик лекаря стянул с себя кафтан, тот был еще влажным, но под припекающим солнцем слишком уж согревал. С Даффы Тоб стащил превратившийся в ком грязи чепец, что вызвало волну негодования, женщина не любила, когда ее волосы не были прикрыты, а затем, уже во время короткого привала, после небольшой войны, содрал и накидку.

Настроение у путников исправилось, женщина тихо бубнила, дважды пела убаюкивающие песни, под которые Тоб, пригревшийся и умиротворенный, то и дело клевал носом. Он не очень хорошо ориентировался до встречи с рыцарем, но тот обучил его понимать направление. Найти Санфелл, по словам мужчины, должно было быть делом не сложным, главное прятаться от лишних людей, держаться подальше от городов и не наткаться на разбойников. В деревнях появляться безопаснее, крестьяне не служат врагам короля, им не до ссор лордов, а за те монеты, что удалось стащить в замке, можно купить что угодно. А еще простые люди наверняка подскажут направление.

Воспоминания о Зэуране вновь увлекли Тоба, он не спешил делиться мыслями с леди и самостоятельно переживал горе. Во время хорошей погоды это было намного приятнее, а на привале перед сном Тоб нашел в себе силы, чтобы развести очередной костер и дожарить утреннюю рыбу.

Беседа с Даффой тоже задалась. Ровно до тех пор, пока неосторожное упоминание рыцаря не вывело ее из себя вновь.

Требования бежать и спасти Зэу сопровождалось изменением погоды, Тоб ничего не успел предпринять, как налетели тучи и с неба вновь хлынули потоки воды. Даффа рыдала, и вместе с ней рыдало небо; она ревела и ей вторили завывания ветра, а когда женщина затопала на месте от безысходности, небо озарила молния.

Усталость сводила с ума, не иначе – так думал Тоб, заметив странное совпадение. Не может же быть, что вместе с леди гnevаются и Боги! Все снова и снова повторялось, порождая в душе сомнения и страх.

Несколькими днями после ученик лекарей наблюдал за Даффой и небом, вспоминал, видел ли подобную связь раньше. Теперь ему казалось, что так было всегда. Мысли, что леди поддерживают сами всевышние засела в голове, и ученик лекарей усомнился, что сохранил разум после стольких бед. Оба его спутника были больны, каждый по-своему и он, наверное, заразился от них. А может и сам таким стал еще в детстве, а то и с рождения, раз не догадался, что близкая дружба с жителями Острова ни к чему доброму не приведет и надо бы сбегать обратно к нормальной жизни.

Это для Тоба Даффа – лишь несчастная женщина, обиженная в юности, для остальных она Старская. А про эту древнюю Династию говорили многое. Истории, которые рассказывали друг другу жители поселения юноши и соседних земель, часто затрагивали правителей, недосыгаемых и величественных. По большей части они скорее высмеивали гадкие качества лордов, но никто не отрицал сил и могущества королей и королев. И их родни тоже.

Тоб слышал, что родня Даффы умела договариваться с Богами, не иначе, раз столько лет продолжала сидеть на троне, чего бы вокруг ни творилось. Говорили, что Старская рождалась слабыми, их дети часто умирали, сидящих на троне преследовали проклятия; говорили, что королей можно было бы завоевать, но остальные знатные люди боялись этого делать. Не просто так самые богатые рода отказывались.

Даффа, как одна из Старскаев, тоже могла быть не такой как обычные люди. Лорды и леди всегда отличались, но королевская кровь делала ее еще более другой.

Еще через два дня наблюдений Тоб сумел убедиться, что от настроения леди многое зависит, и что Боги, если и не полностью подчиняются воле девы, то прислушиваются к ней. А еще понял – он просто не знает, как им идти дальше. Охотник и рыболов из юноши были посредственный, путь казался бесконечным, женщина – утомительной; она лишь ухудшала и без того невыносимые условия. Страх немного отступил и, сдавшись под мощным натиском, ученик лекаря смирился, что ему нужно вернуть Зэурана. Без сира жизнь превратилась в кошмар.

Не представляя, как это сделать, не желая думать о количестве врагов, с которыми придется столкнуться, не позволяя себе и помыслить, что с глупым простолюдином сделают за

дерзость, Тоб нашел храбрость озвучить намерение. Даффа поддержала спутника, она не понимала, к чему готовиться и, скорее всего, ее это не интересовало. Единственное, что при этом четко осознавал ученик лекарей – брать с собой женщину ни в коем случае нельзя. Следовательно, необходимо найти место, где сестра почившего короля будет ожидать возвращения мужчин или останется в безопасности, пока ее не заберут люди из столицы. Такое место было – город или деревня.

В жизни вновь появилась цель, намного более близкая, чем Санфелл и потому приятная. Тоб уцепился за идею, постоянно рассказывал, что как только доберется до города, то придумает способ вытащить Зэу. Эти речи вселяли уверенность и в Старской, она опять улыбалась, кивала и считала Тоба другом. Вместе с ее поддержкой вернулась прекрасная погода, а в речушках то и дело удавалось что-то выловить. Последнее, может, и не имело никакого отношения к Даффе, но юноша верил, что всему причиной поддержка Богов – они одобряли решение простолюдина.

Поиски города заняли очень много времени, и после Тоб догадался, что крутился на одном месте, так как окрестности удивительным образом напоминали друг друга, вплоть до последнего покосившегося дерева или треснувшего старого пня.

В беззвездную ночь юноша не понимал куда идти, а порой путался и днем, особенно если солнце припекало и хотелось наслаждаться теплом, а не выживать. В это время года должно было уже холодать, но Боги помогали леди всем, чем могли.

Припасы давно подошли к концу, мозоли от езды верхом перестали проходить, и нужное поселение, столь долгожданное, подвернулось только спустя несколько дней отчаянных поисков, когда уверенность в правильности пути начала пропадать. Пасущаяся скотина, стайка собак, которая присматривала, чтобы стада не разбежались и пара одиноко стоящих домишек указывали, что рядом имеется скопление народа. Для двух семей овец и псов было слишком много.

Небольшой город, обнесенный стеной, сразу же показался за широкой просекой. Он имел две постройки, которые Тоб пару лет назад именовал бы башенками, но теперь он много чего успел повидать, в том числе и настоящие укрепления. Эти же выступы не походили ни на какие сооружения, только немного выделялись высотой, на фоне остального. Небольшой ров уже давно порос травой, в нем юноша заметил чью-то босую ногу со сломанным и выгнутым в другую сторону большим пальцем. Чтобы не успеть разглядеть как следует остального человека и не показывать несчастного Даффе, Тоб слез с коня, помог спуститься женщине и пошел в сторону деревянных ворот уже пешком. Пока он отвлекался на жеребца и своенравную леди, по сторонам смотреть у него не было времени.

Двое крупных мужчин задали перечень коротких вопросов, а после, увидев, что его конь подкован, мать – так окрестила леди стража, и юноша не спешил часовых – выглядит хоть и грязной, но прилично одетой, а в кошеле имеется немного монет, не стали задерживать уважаемых путников и посоветовали, где лучше найти приют.

Раньше, пару лет назад, Тоба бы поразила широкая дорога и полтора десятка каменных зданий в дальней от ворот стороне. В те города, куда он ездил продавать припасы, только два строения всегда были из камня – храм и дом главы города или лорда, если таковой проживал там. В этом же месте домики казались совсем новыми, скорее всего, построили их зажиточные горожане, чтобы после ходить друг к другу поесть и потанцевать. Впрочем, полноценным городом тот же Зэуран не стал бы называть поселение ни в коем случае – две или три деревни соединили в одну и обнесли стеной, большую часть которой пока еще не сменили на камень, потому что его пустили на дома богачей. До полноценного города было еще очень далеко.

Постоялый двор имелся, но, как и следовало ожидать, всего один. Тоб так хорошо изучил друга из сиров, что слышал, как в голове звучит знакомый голос, утверждающий – при всем

уважении Даффу и ее спутника отправили не на постоянный двор, а в собачью конуру. Ученик лекаря, будь рядом друг, исправил бы на лачугу, но у рыцаря были свои представления о мире.

Большой дом в два с небольшим этажа – первые собраны из камней, а верхний, чердак и крыша – из дерева, с небольшим погребом, дверь в который Тоб разглядел только войдя в зал – принадлежал старосте. Глава считался самым обеспеченным, и потому сумел построить здание, в котором не только жил сам, но и принимал постояльцев. Словоохотливые горожане близ постоянного двора с обидой в голосе сообщили, что и другое, одноэтажное здание из камня принадлежит этому же уважаемому человеку, а еще тот охотно зарабатывает сокрытием дезертиров и наверняка культистов.

Тоб успел выслушать еще несколько не самых слабых выражений, глядя как пожилая женщина плюется в сторону высокого здания, но стоило только на пороге появиться среднего возраста простолюдинке в сером платье, подол которого спереди был украшен лентами, как собеседники тут же разбежались заниматься своими делами. Виновница переполоха кивнула ученику лекаря и его спутнице.

– Чего надобно?

– Остановиться бы хотели и поесть, – Тоб схватил Даффу за руку, леди уже собралась идти за женщиной с корзинкой. Что было там внутри, прикрытое тряпкой, непонятно, но тетка принца любила плетеные изделия.

– Так проходите тогда, добрые люди. Нечего на пороге мяться и глупости слушать.

Комнаты для гостей располагались на втором этаже, покои хозяев дома – внизу, а койки взятых на воспитание детишек и помощников стояли на чердаке. Отдавать монеты было не жаль, Тоб мечтал о том, чтобы полежать в чистоте, постирать одежду и отмыть Даффу, леди почему-то выглядела чумазее его. Когда мечты исполнились, юноша решил воплотить еще одну, последнюю – он привязал Даффу, закрыл дверь небольшой комнатки, и, убедившись, что ей ничего не надо, завалился спать. Отдельное помещение со щеколдой стоило своих денег. Всех, до самого последнего медяка.

Проспав больше половины дня, Тоб впервые за долгое время почувствовал себя настоящим человеком, готовым на подвиги и свершения. А после горячего и не сырого завтрака еще и нашел в себе немного сил противостоять врагам. Серые рыцари не казались уже такими уж непобедимыми, их оружие не выглядело столь смертоносным, чтобы не пытаться спасти друга, а дорога почти престала пугать. Тоб расслабился еще и потому, что Боги были на стороне Даффы, поддерживали ее в моменты переживаний, а значит, желали спасения Зэурана. Юношу они без помощи не оставят. Сам крестьянский отпрыск, может, Богам без надобности, а на сира у них какие-то планы имеются. А может, на леди, и они знают, что один Тоб не сумеет ее доставить куда надо. Ничего, на такое ученик лекаря не обижался, он и сам не верил, что справится, для такого не надо быть провидцем.

В этот раз Тоб знал, как следует поступить. Хорошо обдумал, а потом еще два раза, на всякий случай. Зэу в таких случаях говорил, что лучше четырежды дать в нос, чем один раз за клинок схватиться – лицо оно такое, заживет как-нибудь, а дыра от меча уже может и не суметь.

Ученик лекаря решил, что трех раз ему пока достаточно. Он не хотел снова блуждать по лесам и потому, пусть и после совета старосты, решился нанять сопровождение из двух охотников. Местные хорошо знали окрестности и опыта имели немало, они обещали отследить путь и вычислить не только откуда пришел Тоб, но и отыскать куда двинулся конный отряд. По какой причине эта конница была необходима юнцу, их не очень волновало, а сам он говорить не хотел. Как догонит отряд, как спасет рыцаря и жив ли еще этот рыцарь тоже было неизвестно, но и смиренно ждать пока беды разрешатся сами собой – не дело.

В городе своего птичника отродясь не водилось, зато тот проживал в соседнем поселении, немногим побольше, всего в двух днях пути. Тоб сумел нацарапать письмо, это заняло немало времени, потребовалось много черкать, переписывать и он так и не выучил как обращаться к

нынешним правителям и, кажется, написал имя с ошибкой. Староста обещал передать послание тем, кто отправится в город, чтобы они заплатили птичнику и отправили весточку в Санфелл. И за каждую помощь окружающие жаждали получить вознаграждение.

В деревне Тоба жилось проще – он делал что мог, его семья делала что могла, его соседи делали что могли. Никто не просил за помощь денег или чего-то еще, а если и просили, то очень редко. Каждый, если мог, шел навстречу. В мире за привычными полями, по которым мальчишка в детстве носился с палкой наперевес, дела обстояли иначе. Новый мир, хоть ученик лекаря и ворчал, ему нравился больше.

Тобу приносило удовольствие доставать монеты и перекладывать их в чьи-то руки. Он вновь мнил себя богачом, который платит за то, что ему приглянулось и не особо думает, надо это или нет. Если бы при этом у него имелся собственный дом и кошелек не столь стремительно сдувался, то Тоб чувствовал бы себя совершенно счастливым.

Прежде, чем отправиться, требовалось решить еще одну проблему и с этим юноша тоже совладал. Для Даффы он нашел двух женщин, пообещавших присмотреть за его якобы матерью. Это удачное предположение стражников хитрец охотно использовал.

Бывший крестьянин проблеял про болезнь Авит, страдания из-за потери мужа, дочерей и сыновей, всех, кроме последнего. Звучал Тоб не очень убедительно, он бы сам себе не поверил, но дамы не стали его ни о чем расспрашивать, только поинтересовались, какие условия должны обеспечить.

Леди не испугалась женщин, она охотно переговорила с ними, поела за одним столом, позволила одной порезать ей ужин на кусочки, а второй – поправить чепец и налить в опустевшую кружку разбавленного вина с медом. Но заходить с новыми знакомыми в комнату Даффы наотрез отказалась. Она кричала и упиралась, тянула руки к Тобу, а тот очень старался смотреть в другую сторону и не обращать внимания на истерию Старскай.

– Не надо так, – не смолчал он, повернувшись одним глазком посмотреть на спутницу. Как раз в этот момент более крепко сложенная женщина схватила Даффу за руки и завела их за спину, – Больно ж ей

– Не больно. Я с такими вошкалась уж дайте Боги памяти сколько... Дурные они, но хитрые. Ничего, мокнем дурной башкою в таз, в воду попрохладнее, поймет, как надобно ходить и чего говорить.

– В таз?

– В снег бы – оно б лучше было, таких только так выучивает, так говорят. Но ежели нет его – водица сгодится.

– Не надо ее никуда макать! Она же не понимает, что происходит. Она со мной расставаться боится, – заступился за леди Тоб.

– Ничего-ничего, сыну-то тоже жития давать надо. Не бойсь, мы с такими ладим, – подтвердила вторая женщина, сухая, высоченная; из тугой прически, прикрытой сеткой, во все стороны топорщились жесткие волосинки. Теперь она показалась Тобу очень сердитой, – Исправим.

– Исправим, не сомневайся, – поддакнула ее подруга, – Ты иди и не бойсь, ничего с нею не сделается. Накормим, напоим, укладем. Будет лежать тихонько, ждать тебя. Научим говорить когда надобно справить нужду, если не умеет. Опыта у нас ого-го сколько. Ты молодой еще, ничего не умеешь, не знаешь. Бедолага, один остался с таким горем. Ничего. Для того мы и нужны.

– Но она же Женщина, – чуть не выдал происхождение Даффы юноша, – С ней надобно ласково.

– Мы ж и сами женщины. И через нас кто только не прошел, вся деревня, и рожала с нами, и лечится с нами. Чего ж мы, не справимся с твоей мамкой-то? Не особенная она ж. Справимся! – самоуверенно заявила высокая.

– Ты б шел, куда хотел, да поскорее. Эт она тебя видит, от того и кочевряжится. Ты уйдешь, она посмирнее станет. Иди-иди.

Ученик лекаря кивнул, повернулся и побежал вниз по лестнице. На последних ступенях он замедлился, а уже перед выходом остановился из-за крика Даффы.

– Тоби!

В одном слове была сосредоточена скорбь и обида, леди видела в нем спасителя, друга, а может и нового брата, боялась остаться без него. Юноша и сам не хотел покидать Старской. Он чувствовал себя самым мерзким и подлым в Ферстленде предателем. То, как знахарки заталкивали душевнобольную в комнату, только лишний раз убеждало юношу, что он мало подумал, не как положено четырежды, и потому подобрал отвратительный вариант. На душе было беспокойно. Он не расставался с Даффой столько, что уже не мог представить жизни в одиночестве.

– Тоби! – снова закричала женщина, истерично, срываясь, и уже из комнаты. Сын крестьянина обернулся. Дверь прикрывали, но она не поддавалась, может, Даффа держала ее? – Тоби! Тоби! Тоби-и-и!

Звук имени перешел в визг, а затем и в крик, показавшийся юноше нечеловеческим. На улице поднялся ветер, он усилился в считанные мгновения, ветки заметались и забарабанили в стены постоянного двора, в затянутые тканью окошки застучали камни и комья грязи, доски Крыша дома закричала, кусок покрытия из соломы, листьев и деревянных реек сорвало, через прорвавшуюся ткань на окне было видно, как его дважды ударило о землю, а после подняло в воздух. Тоб не сумел открыть входной двери, ветер дул, прижимая ее, казалось, что еще немного и створку вдавит внутрь.

Юноша побежал к лестнице, услышав грохот наверху, он не хотел и думать, что могло стать с леди, если на нее что-то упало или влетело через окно. Когда он был на середине, из небольших покоев вылетела Даффа. Она перестала кричать, лишь заметив мчащегося ей навстречу юношу. Леди бросилась ему в объятия, бормоча что-то срывающимся голосом, в ее лихорадочно выплаканных словах почти не было никакого смысла, да и разобрать их не удалось бы никому. Кроме Тоба.

– Не оставляю, нет-нет. Я не оставляю. Я с тобой и не оставляю, – отвечал юноша на бормотание. Может, леди хотела от него не этого, но она успокоилась, продолжая крепко сжимать защитника.

Гул, вой и грохот за окном начали затихать.

Глава XXXIV. Ильма

Корабль мирно покачивался на волнах. Убаюкивающе, принося давно забытое умиротворение. Это напоминало почти стершееся из памяти ощущение, приходившее в те моменты, когда мать в детстве обнимала и укачивала Ильму, чтобы дочь поскорее уснула и перестала кричать. Отец рассказывал леди, что в первые годы жизни она была сущим кошмаром – сдержанная и послушная ныне дама в то время постоянно плакала, вопила, словно проклятая Богом Мучений, капризничала, изводила окружающих активностью и нежеланием успокаиваться хоть на какое-то время, и требовала внимания. Женщин, которые обычно присматривали за молодыми лордами и леди в Блэкшоте насчитывалось немного, почти все уделяли время беспрерывно болеющим сыновьям Нрата Непреклонного, а здоровая девочка полностью легла на плечи матери и кормилицы.

Встретившая смерть от рук собственного супруга леди Блэкбоу нашла только один способ умирить раскричавшуюся дочь – брать ее на руки. Только в объятиях ребенок замолкал и начинал обращать внимание на что-то, кроме собственного голоса. Иногда Ильме уже в зрелом возрасте хотелось оказаться у кого-то на руках, почувствовать то же самое, снова окунуться в детство, быть под надежной защитой, верить, что с ней ничего не случится.

По молодости бывало, что леди хотелось так же кричать от безысходности, от того, что никто даже не пытается понять ее и делать так, как она считала верным. Иногда случались минуты прозрения, в которые женщина не думала о криках, а мечтала разmozжить голову непослушным подданным и соседям. Еще не достигнув тринадцатилетия, Ильма почувствовала, даже нет, твердо осознала – в ней живет та же суровость и жестокость, что ранее обитала в ее отце. Пусть Блэкбоу была женщиной, леди, супругой Крэйда и матерью, но она в полной мере переняла те качества, что должны были разделить между собой ее братья.

Воспитанная Нратом и суровыми восточными мужчинами, призванными защищать правителя и помогать ему, Ильма не обучилась быть дамой. Она никогда не видела теплых чувств родителей, не созерцала открыто милующихся влюбленных парочек, такого в Блэкшоте не принимали, не имела подруг – в замке не было место играм, только делу. Лишь когда наследницу отправляли, как положено, для поддержания связей к Эблфайтам или Грейвулам, леди могла общаться с дамами и перенимать их манеры. Увы, к тому времени она уже отдавала предпочтение мужскому обществу, и считала себя неповторимой.

Случалось, что она заявляла отцу о желании стать мужчиной. Особенно часто об этом Ильма говорила, когда у нее начались регулы, неприятные и постоянно повторяющиеся дни. Она твердо знала, что мужчины избавлены от данной участи, и завидовала им. Нрат лишь супился и отмалчивался. Только однажды отец согласился, признавая – из дочери получился бы отменный лорд Блэкбоу, но увы.

Воспитание Ильмы проявилось в том числе и в отношении с сыном. Грейга женщина не то, чтобы не любила, но относилась к нему скорее как полагалось отцу – воспитывала, ругала, считала, что в первую очередь обязана дать ему образование и защитить. Она не рассказывала мальчику легенд и сказок, редко обнимала, указывала на ошибки и не била его только потому, что сын рос слабым. Холодность и отстраненность оттолкнули от нее Грейга.

Стоя на корабле, Ильма вспоминала детство и думала о том, что почти не брала своего сына на руки. Может потому, что не думала о необходимости этого, ее любовь проявлялась в материальных благах, а не в нежности. Тому способствовал и спокойный, неконфликтный нрав Грейга, с самого рождения тот был тихим.

Старательный, ласковый, некапризный, послушный мальчик не делился с матерью переживаниями, предпочитая говорить по душам с отцом и приятелем-бастардом Малой Ветви Джевелин. Грейг был привязан к незаконнорожденному мальчишке, которого лорд отдал вме-

сте с матерью на службу Блэкбоу, как только его законная супруга прознала об отпрыске – такое случалось нередко. Приятель был старше наследника Ильмы на полтора года, они росли вместе, вместе обучались сражаться, ездить верхом и утаскивать с кухни угощения. Детей в Блэкшоте всегда было немного, а те, кто выживал, предпочитали вести себя тихо и незаметно.

В детстве Ильмы в ее окружении не было девочек подходящего возраста. Все кто мог стать подругами, были либо значительно старше, либо младше на пять и более лет, и потому леди отчетливо понимала, как важны первые друзья. Бастарда Джевелин леди отправила обучаться в воинам, а не к конюху, как это задумывалось изначально. Она догадалась так поступить, да и вовсе прознала о дружбе лишь благодаря супругу. Леди не спорила, когда ее называли дурной матерью.

Лорд Блэкбоу, урожденный Флейм, любил единственного сына, и это видел каждый. Правитель оказался заботливым отцом, настоящим родителем, он давал Грейгу то, чего не могла дать мать. Зачастую Ильма чувствовала себя чужой в их компании. Нет, ее не прогоняли, Крэйд всегда был рад обществу супруги, но сын закрывался, совсем как она сама когда-то рядом с Нратом. Невольно женщина повторила то же самое, что происходило в ее семье, заменяя отца.

– Скучаете по семье, миледи? – поинтересовался Мортон. Он поднялся на палубу, укутавшись в плащ. Раннее утро в море встречало прохладой, особенно остро она ощущалась после теплой постели.

– Нет, – честно ответила Ильма, прислушавшись к ощущениям. Она не испытывала грусти от расставания с мужем и сыном, а те – от расставания с ней. Быть может, лишь Флейм немного скучал. Женщина правила, командовала ими, считалась частью рода, но всегда ставила себя выше. Оба лорда словно относились к иной семье, вынужденной подчиняться суровой Блэкбоу. Когда они оставались одни, то могли дышать полной грудью и наслаждаться жизнью. Именно этим они теперь и занимались в Блэкшоте, пока правительница выполняла долг.

Волнения Ильма также не испытывала. В замке наследнику ничего не угрожало, культистов в землях Блэкбоу казнили сразу, как только находили. С урожаями и крестьянами, напротив, с некоторых пор появились проблемы, большинство людей отправилось на войну. Лишь часть воинов вернулась, другие же, повинувшись Мортону Бладсворду, продолжали занимать замки и укрепления в землях Флеймов и Глейгримов. Часть воителей, выделенных для первой битвы у Кеирнхелла, недавно начала прибывать небольшими группами. Леди не стала интересоваться причинами долгого пути, догадываясь, что не услышит правды. Она имела некоторое представление о том, как иногда развлекаются мужи после битв в отсутствии правителей. Если найдутся смельчаки, готовые признаться в грехах, придется казнить каждого второго.

– У меня тоже не лучшие отношения с семьей. Мы были слишком разными с Ареллом, а с Брейвом, Эрин и Кейдс я почти не проводил времени вместе. Брейв иногда заглядывал в Санфелл, а я, бывало, приезжал в Кнайфхелл на праздники или когда сопровождал посланников или Его Величество, но вот племянниц не помню совсем, – решил поделиться душевными переживаниями Бладсворд, – Кейдс рано вышла замуж и почти не приезжала в родной дом, ей пришелся по душе Гринтри. Она превратилась в настоящую Форест и совсем не думает о первой семье, которая ее воспитала. Удивительно, но с тех пор, как она уехала из дома, я виделся с ней всего трижды. Или четырежды? Эрин вовсе стерлась из моей памяти. Я не испытывал к ней никакой любви и привязанности, она была для меня мертвой девчонкой. Когда она явилась в Кнайфхелл, ни за что не признал бы ее. Брейв разглядел в той женщине свою сестру в первые же минуты, а я до сих пор не уверен, что видел перед собой настоящую леди Бладсворд.

– Теперь она уже не Бладсворд. Она, бывшая беглянка, насколько я осведомлена, вышедшая замуж за простолюдина, а ныне изгнанница. За появление на востоке ее будет ждать смерть, – напомнила Ильма, – За те проступки, что она совершила, подобное наказание мне кажется слишком мягким. Лорд Брейв должен был казнить ее.

– Брейву не хватало стали. Он вырос, окруженный любовью и заботой, в компании слишком набожной матери, мягкотелого добряка-отца, и множества девок, которые окружали его заботой – кузины, племянницы, жены и дочери вассалов и воинов. К тому же он рос с двумя сестрами, я знаю, что он был очень близок с ними, особенно крепкая связь у него была с Эрин. До Санфелла долетало немало слухов о его чрезмерной любви к ней. Не берусь судить и осуждать, но знаю – племянник только в последние три года перестал вести поиски и лишь потому, что у него появились другие проблемы. Никто не верил, что Эрин жива, кроме него. Вероятно, именно поэтому предательство сестры сломило его и вынудило покинуть земли.

– Вы оправдываете родню, это ваш долг, я понимаю. Однако, из Брейва вышел отвратительный правитель. Я верила, что прозвище Отец, которое дал ему народ, оправдается в полной мере, но вместо того, чтобы стать достойной заменой лорду Ареллу, вместо того чтобы забыть обо всех проблемах и полностью погрузиться в заботу о народе, как ему следовало, вместо решения проблем он предпочел сбежать. Позорно. На смену ему пришли вы, чтобы вернуть покой нашим землям. Так почему же вы говорите о родне, но не стремитесь оправдать себя и свой побег? Разве не для того этот разговор?

– Моему побегу нет никакого оправдания, это поступок труса, – резко ответил Мортон. Он отвернулся и впился взглядом в море, будь в нем поменьше воды, она бы закипела от суровости. Ильма испытала что-то, похожее на легкие угрызения совести. Не стоило вновь тыкать носом несостоявшегося рыцаря в то, о чем он и так жалеет.

– Я не ставила себе цели напоминать вам Ни о чем. Мне отрадно знать, что в королевстве есть Бладсворды, готовые поступиться желаниями ради народа.

Первые два дня Мортон неустанно повторял, что делал все, как хотел регент, а в ответ получил черную неблагодарность. Мужчина упоминал, что вернулся на помощь Брейву, потому что так пожелал регент, и должен был отправиться снова в Санфелл погоды, надеясь вступить в Орден и стать, наконец, рыцарем, но из-за побега племянника остался наместником на востоке. Мортон сделал свой выбор, Ильма понимала, чего это стоило ему. Теперь же Бладсворд скривился при упоминании жертвенности.

– Я понимаю, у вас свое отношение к происходящему на востоке и к моей семье. Но для меня и Брейв, и Эрин, и даже Кейдс, которая уже меня позабыла – семья. Я никогда не был к ним привязан, мне было хорошо одному, вдалеке, я считал, что есть другие братья – рыцари, с которыми я учился, сражался и жил бок о бок все эти годы. Сейчас эти братья далеко, все они подчиняются регенту, так как считают его настоящим правителем. Сир Тордж, которого я помню – превосходный, разумный и сострадательный человек – предпочел принять не мою сторону. Именно в такие моменты я особенно остро ощущаю, как плохо жить без семьи, одиноко противостоять миру, когда некому доверять. Рыцари – не настоящее братство, все это лишь притворство и громкие слова. И я понял это слишком поздно.

Ильма кивнула в ответ. Она не знала, что сказать – Мортон был стар, побег и волнение повлияли на недорыцаря. Может быть, он страдал от какой-то болезни и потому, опасаясь смерти, вспомнил о семье и жалел о прошлом. Леди не любила жалеть.

Обстановку в Блэкшоте нельзя было назвать печальной, понемногу дела налаживались. Только поэтому Ильма оставила замок и земли на недоученного и слишком мягкого сына и мужа-весельчака, не способного проявлять жесткость, когда та требовалась. Два старых советника должны помочь ее семье не уничтожить дом до возвращения хозяйки.

Когда леди прощалась с родней, то видела, что и Крэйд и Грейг испытывают при ее словах об отъезде облегчение. Никакой страсти между Ильмой и ее мужем, по крайней мере со стороны леди, не имелось, особой любви к матери отпрыск, по всей видимости, не питал. Наверно, леди стоило расстроиться, что чадо желает поскорее избавиться от ее общества, но женщина все понимала. Осознавала и принимала потому, что знала – подобное положение дел закономерно.

Может быть, пару раз за все годы, в ее душе что-то шевелилось. Ильме становилось не по себе от осознания, что она повторяет за отцом и, скорее всего, пройдет по его пути, будет иметь такую же судьбу, кончит, как он. Бывало, леди задумывалась – она не любила Нрата, но испытывала к нему уважение и благодарность за жизнь, и опасалась гнева, а теперь Грейг, ее отпрыск, не любит и боится ее. Кому-то от такого осознания могло сделаться дурно, Ильма же только грустила пару часов и вновь занималась обязанностями. Она, как и завещала семья, ее родня и весь род с первых предков, делала что должна и учила придерживаться этого же принципа наследника.

– Семья может быть полезной, именно семья в первую очередь помогает и защищает. Стоит взглянуть на Форестов. Как бы я ни относился к регенту, но не признать, что сила его рода в сплоченности, не могу, – продолжал Бладсворд.

– Полагаю, именно потому регент не боится переиначивать собственноручно изданные указы, – согласилась Блэкбоу.

– Вот именно! Он знает, что к нему на помощь обязательно придет лорд Райан Форест, Ласс Форест и еще куча родственников. Дяди, кузены, кузины, тети, племянники и племянницы Регент удобно устроился и грамотно пользуется положением – получил себе юг, выдав девочку за Вайткроу, наверняка Холдбист не хотел плясать под его музыку и лишился сына с невесткой. Форест захватил столицу, решает за мальчишку на троне, а земли Райана и без того подчиняются хитрецу, может из-за братской любви, а может потому, что регент и родню обманул. Теперь он заполучит запад, а если ему еще достанется восток, то Он станет непобедим!

– Чем большего он добьется, тем больше врагов захочет от него избавиться, – попыталась отрезвить недорыцаря Ильма.

– Нет-нет, вы не понимаете! Ферстленд уже его Весь, полностью, и нигде в королевстве не скрыться от шпионов и помощников Клейса. Порой мне кажется, что у него есть какой-то дар, талант, а может какой-то из Богов благословил его. Регент очаровывает людей, лишает воли и творит, что захочет! Он околдовал короля Гийера, иначе как еще он мог добиться столь высокого положения? – женщина шумно выдохнула и коротко мотнула головой. Мортон совсем лишился ума, но указывать мужчине на это не стоило. Пока что, – Нет, я, безусловно, имею еще одно предположение. Про Его Величество слухи подобные ходили редко, а вот про регента я слышал неоднократно, тем более, пока был в Санфелле

– Не думаю, что нам стоит продолжать этот разговор, – Ильма имела слишком хорошее воспитание, чтобы поворачиваться спиной к правителю и куда-либо уходить, но в этот раз едва перебарывала себя.

– А что же в таком случае он сделал? Как? Я бы и не подумал, что Его Величество мог зваться мужеложцем, однако

– Вздор! – Ильма лишь немного повысила голос, этого было достаточно, чтобы Мортон замолчал, – Не смейте вываливать на меня грязные слухи, подобно сплетницам на площади. Для таких, смею напомнить, существуют специальные наказания.

– А вы уверены, что это лишь слухи?

– Я приносила клятву Его Величеству и роду Старскаев, и, хочу напомнить, вы тоже. Не стоит осквернять память короля повторенными за глупцами словами. Гийер Старскай правил мудро и заботился о подданных, он не заслужил оскорблений и подобных обвинений ни при жизни, ни, тем более, после нее.

– Но Клейс Форест

– Пока вы не имеете никаких доказательств, я не стану слушать сплетен и про Фореста, а Его Величество в разговорах впредь попрошу более не затрагивать. Милорд, – леди по-мужски поклонилась и молча уставилась на Бладсворда. Мортон скривился и, нехотя, махнул, отпуская вассала.

После того разговора он и правда более не возвращался к обсуждению Гийера, лишь единожды пробурчал что-то невразумительное и мало разборчивое про Его Высочество, да и то лишь во время сильного волнения в море. Корабль шатало из стороны в сторону и старому вояке это пришлось не по душе. Он мерз, чувствовал себя дурно, пусть и не перевешивался через край, однако громко и грязно ругался, держался за живот и предпочитал отказываться от обедов и ужинов оба дня с особенно сильными ветрами.

Ильма часто выходила в море, несколько раз она лично отправлялась в Новые Земли, чтобы сопроводить королевские корабли, посмотреть на Дэйбрейк и лагеря лордов Ферстленда. Рыбачить далеко от берегов и вовсе в детстве заменяло большую часть развлечений леди, и никакая качка не могла утомить ее. Женщина, как и на твердой земле, ела сколько требовалось, пила от души, уверенной походкой перемещалась по судну, помогала немногочисленной команде и поддерживала Мортон как могла.

Только когда море успокоилось, Бладсворд вернулся к привычному состоянию, снова заводил задушевные разговоры и высказывал опасения, что регент нагонит его и всенепременно совершит какое-нибудь злодеяние. Ильма подумывала, что во время шторма было лучше – Мортон молчал, смиренно сидел на одном месте и лишний раз предпочитал не шевелиться. Да, она сама решила проводить лорда Бладсворда. Да, это входило в ее обязанности вассала – защищать правителя, оберегать его по дороге, помогать советом и делом. Да, она признавала, что Мортон – наместник и единственный оставшийся законный представитель Великой Династии. Однако, никакое самовнушение не мешало женщине уставать от общества созерена.

Дни путешествия тянулись, и, куда бы женщина ни шла в надежде побыть в одиночестве, Мортон отправлялся следом. Трижды он интересовался ее взаимоотношениями с мужем, один раз довольно прямо пытался выяснить, правдивы ли слухи о любвеобильности леди Блэкбоу, благо, в самой мягкой манере, пару раз мужчина делал Ильме комплименты от которых хотелось отмыться. Только преданность роду и понимание, что этот человек огорчен и напуган, не позволяли леди в одночасье поставить собеседника на место.

В конце плавания, лишь только пришло время ступить на твердую землю, Бладсворд вновь решил проявить себя во всей красе – он помогал женщине грузить вещи, хоть Ильма и предпочитала делать это самостоятельно, а также постоянно предлагал руку, чтобы спуститься в лодку или выбраться из нее. Мужчина продолжал проявлять рыцарские замашки и лордское воспитание на протяжении долгого отрезка пути, пока отряду не помешали передвигаться. К сожалению, бухта у ближайшего лагеря Бладсвордов была опасна наличием королевских кораблей и беглеца пришлось высаживать на приличном расстоянии, а дальше добираться на своих двоих до безопасного поселения вассалов. Лошадей прихватили лишь для знати и разведчиков – больше копытных старые корабли не вмещали.

На вторые сутки пути дикари, из тех, что так и не подчинились – по какой причине местные правители и командующие позволяли им жить, Ильма не понимала – соизволили устроить веселую жизнь новоприбывшим. Леди Блэкбоу уже встречалась и с подобным отсутствием гостеприимства, и с темнокожими аборигенами, и с их оружием, и с их смертоносным ручным зверьем, походящим на больших и толстокожих лысых крысоподобных существ с рогами на морде. В первый раз дикари сумели удивить, застав женщину врасплох, во второй она уже приняла нападение как должное, а после – скорее томилась в ожидании каждую проведенную в Новых Землях минуту. Сопровождающие, из которых четырнадцать человек уже бывали здесь с леди единожды, а четверо – дважды, отнеслись к ночному нападению скорее как к игре и поводу размяться после долгого плавания. Двое из людей получили возможность привезти домой новые шрамы и трофеи в виде рогов зверья темнокожих.

Бладсворд впервые не нашел что сказать. Мужчина был поражен, быть может, он бывал в Дэйбрейке, однако неизвестного врага на поле боя до того не встречал. Вероятно, он не мог поз-

волить себе сражаться против бездеспешных дикарей так же, как против привычного неприятеля. Ильма сомневалась, что ему не доводилось убивать безоружных, еще больше сомнений вызывало отсутствие такого развлечения, как изнасилование женщин и избиение их мужей во время стычек или подавления бунтов. Бладсворд не стремился казаться невинным человеком, пару раз леди видела наместника востока в деле и могла оправдать нынешнее замешательство лишь тем, что мужчина растерялся. Мортон не понимал врага, не знал его, не имел никакого представления, как бороться с ним.

Пожалуй, это всегда было главной проблемой мужей и особенно рыцарей. Им поясняли, что делать в определенных ситуациях, а когда требовалось быстро переключаться и соображать, половина терялась, а часть и вовсе впадала в оцепенение. Быть может, именно потому большинство местных воителей, тех, которые уже не первый год проживали на новом материке, выжил на нем и планировали оставаться, завозилась в совсем юном возрасте. Вскоре местное рыцарство будет состоять лишь из тех, кто родился в Новых Землях и всю жизнь тренировался среди дикарей, лесов, гор и местных традиций.

Много раз Ильме доводилось общаться с местными командующими, теми, кто пробыл на втором материке больше половины жизни, с простолюдинами, обитающими в лагерях или поселениях второе поколение, с мужами, которых отправили на подмогу в Новые Земли в юном возрасте, а порой в детстве. Люди Ферстленда и здешние жители разительно отличались, но более всего выделялись дикари. Часть их смирилась с участью, решила присоединиться к захватчикам, жить с ними в союзе, учиться быть похожими на новых хозяев, строить и заселять привычные сильным дома, перенимать обычаи, привнося и что-то свое. Кому-то приходилось не по душе новые люди, кому-то – напротив, нравились. Мудрые аборигены понимали – надо мириться, чтобы выжить, а завоеватели в железе и с железным оружием слишком сильны, продолжают пребывать, укрепляться и множиться.

Женщины из дикарей, пожалуй, противились больше, Ильма догадывалась почему. Она бывала в военных походах, в одном здесь, в Новых Землях, и лицезрела празднование победы. Те воины, что чудом избежали смерти целиком отдавались чревоугодию и блуду, не волнуясь ни за что другое. Дикаркам это сулило лишь беды.

Леди Блэкбоу всегда давала время подданным на развлечение, запрещала им разрушать чужие дома, не позволяла убивать сверх меры, тем более тех, кто уже сдался, но первые сутки не защищала женщин от насилия, а мужчин – от издевательств. От утра и до утра ее верные люди получали заслуженную награду, упивались властью, радовались жизни, их не контролировали и не ругали. Но после, если кто-то из них забывал свое место, насильника или убийцу ждало суровое наказание.

Ильма закрывала глаза на сутки, а в Новых Землях позволила себе присоединиться к всеобщему веселью, отобрав в качестве трофея привлекательного дикаря. Темнокожий, хоть и ни слова не понимал на языке королевства, быстро понял, что от него хотят и отнесся к плену на удивление легко. Леди Блэкбоу оставила новую игрушку себе, а через девять дней, когда пришло время возвращаться домой, она, не спрашивая желания дикаря, повела добычу на корабль. Впервые за целую жизнь она позволила себе привязаться к кому-то, к мужчине, с которым не могла вести бесед, к рабу, ничего не стоящему для других местному жителю. Ильма желала отвезти нового любовника в Блэкшот и пойти против тех норм приличия, что вбивались в ее голову розгами, кулаками и продолжительными часами бесед с мудрецами и дамами.

В тот раз уплыть не удалось, дикари напали на соседний лагерь, а Ильма с подданными оказалась единственной, способной помочь небольшому отряду Эблфайтов, впервые отправившемуся осваивать территорию. После женщина затруднялась ответить, по какой причине возомнила, что тащить с собой новую игрушку всенепременно стоит. Может посчитала любов-

ника сломленным и подчиненным ее воле, а может в тот момент позабыла о существовании темнокожего.

Нападение отбили, но в тот день дикари убили трех молодых племянников и одного сына лорда Эблфайта – Ильма не знала, зачем в эти земли отправили тех, кто не способен защищаться, даже имея оружие в руках. Гонимые жаждой мести, вассалы Бладсвордов отправились следом, желая выследить обидчиков и отомстить. Поселение найти не составило труда, псы, которых завозили захватчики, неплохо размножались в плодородных краях, и быстро обучались выслеживать врагов. Взять след только что убежавших для них не составило труда.

Темнокожий любовник как-то затесался в сопровождение Ильмы – женщина не могла оставить взвинченного и убитого горем лорда-соседа в одиночестве разбираться с обидчиками. Сражение шло как обычно, леди Блэкбоу оно совсем не впечатлило, зато даже сейчас, спустя уже несколько лет, до мельчайших подробностей она помнила, как в один момент ее раб поднял оружие одного из погибших жителей Ферстленда и ударил хозяйку. Та ненависть и непокорность, что сияла в его глазах, навсегда врезалась в память женщины.

– Никогда не отдавать свобода, – сообщил, очень сильно коверкая слова до этого молчаливый и услужливый мужчина. Леди не была уверена, что дикарь способен говорить, а на деле он знал язык и понимал, о чем говорили захватчики на протяжении всего плена. – Умирать, терпеть, учить. А потом убивать. Прогонять с земля. Ненавидеть!

Только отсутствие каких-либо элементарных навыков не позволило в тот раз рабу убить Ильму. Он орудовал мечом как палкой, и не слишком хорошо знал куда бить, чтобы прорубить доспех. Первый удар уронил женщину, она не выпустила из рук оружия, но от натиска ненавидящего ее темнокожего могла лишь защищаться. Леди не желала признаваться, что до последнего не верила в предательство – любовник был хорош, в некотором роде заботлив, покорен, но он лишь наблюдал и ждал удобного момента, чтобы напасть.

Ильма лишь после осознала, что едва не привела дикаря в свой дом. В свою крепость и в свои покои. Враг мог уничтожить не только ее, но и мужа, сына, советников, командующих, служанок Невинных людей, вынужденных расплачиваться за чужие ошибки. А она, как глупая девка, решила разнообразить увядание молодым, горячим и необычным любовником! Да, она хотела появиться с красавцем на Празднике Лета у Вайткроу или явиться ко двору в Санфелл, чтобы не только продемонстрировать? насколько она хороша и сильна, но и похвастаться трофеем, которого не имелось ни у какой иной леди и, вероятно, ни у какого лорда.

Раб отбил Ильме бока и бедра, оставил несколько глубоких порезов и одну пустяковую колотую рану, так и не сумев убить. Кто-то из рыцарей заметил происходящее и одним точным ударом умертвил бунтаря. Ильма не должна была показывать чувств, но она видела молчаливое неодобрение. В тот день женщина отрубила голову бывшему любовнику, а после приказала снять с нее кожу и мясо. Она страстно желала привезти с собой трофей и привезла его, пусть и в несколько ином виде.

После того случая хозяйка Блэкшоте почти год избегала любовных связей с любыми мужчинами, кроме мужа, словно носила траур по предателю. Со временем позабылось все, кроме ненависти. Дикари – те, что подчинились, те, кто стал заводить семьи с жителями Ферстленда, те, кто противился и защищал территорию, те кто предпочитал держаться подальше и убегать – они стали ненавистны леди Блэкбоу. От ребенка до старика, и женщины, и мужчины. Все они, как правильно заметил темнокожий любовник, только притворяются. Они учились у врагов, запоминали, перенимали их черты, но не потому, что в самом деле мечтали стать единым целым, а потому, что это был их способ выжить. Дикари отличались и мечтали лишь отвоевать свободу.

Ильма поверила красивым глазам, сильным рукам, необычным рисункам на теле. Она умела учиться на ошибках. Мужчины Ферстленда тоже велись на очарование женских тел, ловкие движения и игривые взгляды сдавшихся на милость победителя, не понимая, что все

зря. В любой момент эти дамы без сожаления могли прирезать жителей замка или лагеря. Потому, что в этом и была основная цель игры.

Леди Блэкбоу возненавидела дикарей. Она знала, что они нападут и в некотором смысле жаждала этого, надеялась. Оторопь Мортонна лишь пуще прежнего разозлила ее, потому что в нерешительности рыцаря она видела себя несколькими годами ранее. Бладсворд не сводил глаз с полуголых женщин, прикрывающих лишь одну грудь, а то и вовсе отказывающихся носить одежду, и не замечал в руках оружия, способного его убить. Ильяма была так же глупа, наверное, в этом и состояла главная сила дикарей – они очаровывали, не позволяли шелохнуться. Но леди давно избавилась от их влияния.

С особой жестокостью, получая ни с чем не сравнимое удовольствие, Ильяма разрубала нападавших. Она чувствовала, с каким усилием протыкаются их тела и ей нравилось видеть плюющую из ран кровь. Такую же, как и у любого жителя Ферстленда, но и это был обман, уловка, чтобы показать похожесть, которой на самом деле не было. Именно на кровь неизменно указывали защитники дикарей.

– Поглядите на них, они ничем не отличаются от нас. Все мы – одинаковы, – говорили те люди, что боялись брать в руки оружие, – Все мы люди. Дикари живут иначе, но они не заслуживают того, как с ними мы поступаем. Если их проткнуть, из них польется та же кровь, того же цвета, такая же на вкус. Если их ударить, им будет больно, как и нам, а на месте удара кожа посинеет. Если снять с них кожу, то они будут походить на любого из нас без кожи. Плоть и кости – вот что находится под кожей у каждого из нас. Имеет ли значение, какого она цвета?

Так говорили защитники, и особенно те, кто провел всю жизнь в Новых Землях или родился здесь. Ферстленд был для таких не родными краями, а другим материком. Леди Блэкбоу ненавидела еще и таких людей и не желала иметь с ними ничего общего. Глупцы, сражающиеся за мир, были еще более отвратительны, чем сами темнокожие. Пока дикари обманывали и сражались за собственные территории, потомки жителей Ферстленда не имели никакого дома, выступали и за одну сторону, и за другую, на деле же не являясь никем.

Сражение шло недолго. Леди увлеклась процессом и с удовольствием пронзала тела врагов. Она с яростью проворачивала клинок, с силой, с жаром, так, что ее собственные плечи, кисти и пальцы ныли от напряжения. Да, возраст брал свое, мощь понемногу утекала из леди Блэкбоу, а последние годы, пока она занималась только подготовкой сына к женитьбе и делами правителя, сказались не лучшим образом. Женщина тренировалась во дворе и на турнирном поле, однако не сидела подолгу в седле и не билась с ловкими противниками. Каждого рыцаря и воина в Блэкшоте она изучила слишком хорошо.

С полдесятка дикарей бросились прочь, Ильяма не желала позволять им выжить. Она видела мужчину, длинноволосого, широкоплечего, высокого. Тело его украшали рисунки и цветные полоски шрамов – аборигены разрезали кожу, а порой и вовсе снимали ее, а после втирали в рану какие-то травы, которые не только придавали шрамам определенный оттенок, но и, по слухам, благотворно влияли на общее состояние раскрашенного. Местные жители вещали что-то про связь с духами, возможно, это походило на знаменитые отвары мудрецов Цитадели.

Убегающий мужчина всем, от чудаковатой прически, состоящей из множества черных кос, до мощных ног и быстрых движений напоминал предателя, обманувшего леди. Ильяма считала, что давно перестала сердиться, приняла ошибку как должное, но то был обман. Она слишком хорошо запомнила как кто-то посмел выбрать не ее, как кто-то не покорился, когда ему предложили лучший исход.

Хозяйка Блэкшота погнала коня вперед, животное не очень уверенно перескакивало через торчащие посреди высокой травы камни. Комфорт скакуна ничуть не волновал женщину в тот момент. Леди Блэкбоу знала, что делать, если конь споткнется, если он упадет или его ранят.

Пусть в последние пару лет продолжительная верховая езда обычно обходила ее стороной, навыки и знания по-прежнему оставались при ней.

Можно было бы приказать подстрелить беглецов, многих ранили и без указки Ильмы, однако женщина жаждала мести. Она хотела сама догнать дикаря и разобраться с ним. Завершить то, чего ей не удалось в тот раз.

Конь перепрыгнул через очередные валуны, неудачно приземлился – леди уже думала, что на этом погоня прекратится, но животное устояло. Привезенное некогда от Форестов зверье разродилось превосходным потомством. При встрече с лордом Райаном стоило бы сказать ему слова благодарности.

Следом за Ильмой мчались сиры и воины, она слышала топот коней и крики. А за ними, наверняка, бежали пешие солдаты.

– Миледи, нет! Стойте! Это опасно! – кричал Мортон Бладсворд. Он плохо знал Блэкбоу, раз думал, что это остановит правительницу, и еще хуже знал женщин. Ведал ли он хоть о чем-то, кроме своего ремесла?

Дикарь развернулся, и, пользуясь тем, что Ильма пыталась управиться с конем, кинул в сторону преследовательницы дротик. Меткости мужчине было не занимать – дикарское оружие долетело до леди, врезалось в металлический нагрудник, оставило на нем царапину и отскочило. Ильма с шумом выдохнула воздух, когда крепкий кусок дерева с каменным наконечником сотряс ее доспех. На мгновение она поверила, что сейчас ей придет конец.

Ильма не запомнила тот момент, когда в ее руках оказался меч и как она погнала коня вперед. Подданные следовали за ней, отставая теперь разве что на три корпуса. Кто-то, особенно неудачливый, повел коня не в том месте – женщина слышала все и где-то на краю сознания понимала, что происходит. Стук копыт о камни, еще и еще, затем вскрик, ржание, снова крик и стон. Чей-то конь споткнулся, когда наездник испугался и закричал, перепугалась еще пуще, взбрыкнул, не устоял и теперь, судя по хрипам и стонам, вместе со всадником упал на камни. Многие из них покрывал слой скользкого мелкого мха, ядовитого для зверья и человека при употреблении в пищу, но помогающего ранам затягиваться.

Дикарь остановил позорное бегство. Теперь он отступал спиной вперед и доставал из болтающегося у бедра мешка, сделанного из чьей-то шкуры, очередное оружие. В этот раз Ильма успела заметить, что похожее на кинжал, оно имело серое лезвие и, вероятно, было сделано из камня. Почти сразу ей посчастливилось убедиться – метательный нож просвистел мимо, ударился о землю совсем рядом, а затем, проскочив еще пару шагов, замер. Сил дикарю от предков досталось немало.

– Миледи, отступайте! За спины – снова закричал Мортон, но и в этот раз слушать его Ильма не желала.

Леди чудом увернулась от очередного снаряда и едва не попала в засаду. Увлечшись жаждой мести, она не обратила внимание на то, куда пропали остальные дикари.

Темнокожая и гологрудая женщина бросилась на нее из высокой травы и только отточенная годами реакция и привычка ожидать худшего помогли Ильме дернуть поводья. Конь в последний момент, фыркнув, развернулся на скользкой от крови и недавних дождей земле. Пожалуй, именно это и спасло ему жизнь – деревянное копьё лишь по касательной царапнуло кожу.

Некоторые люди горевали об убитых и надеялись, что те не станут приходить во сне, чтобы отомстить. Ильма испытывала удовольствие от процесса, а в Новых Землях и от результата. Одного взмаха меча хватило, чтобы надломить копьё, жаль перерубить его целиком за раз у нее ни разу не выходило. Впрочем, и этого было достаточно, чтобы лишить дикарку хоть какого-то преимущества. Пока девица избавлялась от ставшей ненужной палки и тянулась к небольшому мешку – наверняка желая выудить каменные ножи – Блэкбоу управилась с потерей равновесия, и вернулась на исходную. Обагрять лезвие кровью слабой и бесполезной дикарки

смысла было немного, Ильма предпочла воспользоваться подкованными копытами скакуна, прицеливаясь, когда тот вставал на дыбы.

Лошади, захваченные из Блэкшота, приучались сражаться и возить всадников с детства, их не надо было дергать и уговаривать, лишь указать, что от них требуется. Глупая девица заслонила руками, но это не помогло. Как только первый удар повалил ее, конь, по указке хозяйки, не отступил, продолжая топтаться по кричащей.

Темнокожий завопил что-то невразумительное, возможно, даже бессвязное, Ильма отказывалась учить их язык. Она холодно смотрела на воина, не испытывая никакого удовлетворения от смерти дикарки. В последнее время мало что могло заставить ее порадоваться.

Пронесшиеся мимо всадники налетели на мужчину, пока лучники стреляли вслед оставшимся трем беглецам – молодому юноше и двум женщинам. Ильма не успела пронзить того, за кем устроила гонку, сир Гвин, добрый соратник и бескорыстный друг, так хорошо попал молотом по нижней половине лица дикаря, что смысла продолжать борьбу не осталось.

– Миледи, наша первоочередная задача – Мортон крутил головой по сторонам, но не потому, что искал врагов, а потому, что его взгляду были непривычны дикари, – это доставить меня в лагерь. Мне приятна ваша компания, но я до сих пор не считаю правильным, что именно вы меня провожаете.

– Предпочли бы компанию мужчины? – не ожидая услышать ничего, кроме согласия, поинтересовалась Ильма. Она легко выбралась из седла, чтобы убедиться в целостности коня. Бок копытного был прочерчен неглубоко, из царапины длиною в ладонь лишь в нескольких местах выступила кровь.

Но дикари были жестоки и коварны, Ильма помнила об этом. Мази, помогавшие справляться с царапинами, в которые частенько попадал яд с оружия, всегда были у нее под рукой. Во все замки лордов и леди Династий и Ветвей, хоть единожды изъявивших желание направиться в Новые Земли, мудрецы Цитадели отсылали придуманные Гроссмейстером Дэйбрейка и нескольких других поселений противоядия. Это значительно сократило смертность во время схваток и особенно после них.

– Она мне привычнее, – согласился Бладсворд, – Я понимаю, как вести себя. А с дев С леди сложнее, не понимаю ваших поступков. Вы думали, что можете пострадать?

– Вы не одиноки в своих суждениях, – Ильма бросила взгляд на темнокожего мертвеца, сплюнула и обтерла меч травой, – Справилась бы. Я слышала, как по пятам мчались воины.

– Вы не должны бросаться вперед. Вы – леди и женщина, – настойчиво заявил Бладсворд. Он бы и ногой топнул для убедительности, однако сдержался. Блэкбоу смотрела на наместника со всем возможным неудовлетворением, – Миледи, я настаиваю. Оставьте воинам разбираться с опасностями, они обучались этому всю жизнь.

– Я тоже обучалась этому всю жизнь. Мой род не уступает Эблфайтам или Айронглау, а я – не уступаю их правителям.

– Тем не менее. Я надеюсь, что более вы не станете добавлять мне седых волос. Я – Бладсворд, а значит несу ответственность за все, что происходит со всеми моими вассалами. Если с вами что-то случится Если в следующий раз мы не окажемся рядом, вина за это ляжет на меня. Это я не усмотрел за вами – так скажет любой. И верно скажет. На мне уже достаточно грехов – настоящих или тех, что на меня нарочно навесили, не имеет значения, я не хочу еще один. Зачем вы только полезли в драку? Эти дикари уже убежали!

Мортон снова решил проявить весь рыцарский запал и предложил Блэкбоу помощь, чтобы забраться в седло. Леди хмуро и молча приняла ее, чтобы не разжигать конфликта.

– Дикари бы захотели отправиться следом, чтобы напасть, когда мы этого не ждем. Они могли бы предупредить своих, натравить на нас еще компанию или подготовить ловушки. Убегают они или нет – они остаются нашими врагами. А с врагами необходимо разбираться без промедлений и милосердия. Враг должен быть убит, чтобы не мог убить сам. Я уже слышала

обвинения в жестокости, не стоит. Все равно я продолжаю придерживаться собственного мнения. Враг всегда остается врагом, как бы он ни одевался, что бы ни ел и как бы ни говорил.

– Полностью поддерживаю вас, – с самым важным видом сообщил Мортон. Ильме впервые за время общения с Бладсвордом пришлось по душе его слова, льстило, что правитель востока согласился с женщиной, – От врагов и правда стоит избавляться сразу же, чтобы после они не сумели ударить в спину в самый неожиданный момент. Или еще хуже – в момент, когда ты ждешь, но не был способен предположить, каким отвратительным способом воспользуются...

Бладсворд явно вспоминал о каких-то собственных проблемах, неприятелях и жалел, что кого-то не умертвил вовремя. Вот только кого он хотел бы убить? Регента? Сира, явившегося за ним? Других недругов, с которыми в свое время что-то не поделил?

– Так или иначе, но теперь дикари мертвы, новые пока на нас не наткнулись, или мы на них. Надо поскорее отправиться в лагерь, чтобы я мог отпустить вас отправились обратно к семье. Меня совсем не радует, что женщина – и перестаньте так смотреть! Вы женщина и этого никто не изменит – ни я, ни вы, ни Боги. Я не желаю, чтобы женщина страдала, оберегая меня против воли, повинуюсь долгу.

– Делаю, что должно, – отчеканила Ильма. Мортон смотрел на нее с уважением, – Я была с вами, милорд, чтобы защищать и помогать. Я не оставлю вас и буду рядом столько, сколько потребуется и ни минутой меньше. В моем доме пока почти мир, мой муж и сын справятся с правлением. Я – вассал Великой Династии Бладсворд и моя наиглавнейшая обязанность служить вам. У каждого есть долг, и я исполняю свой.

Мортон не стал переубеждать Ильму, вероятно, после ее речей мужчина не нашелся, что и сказать. К теме дикарей он более не возвращался, но командование на себя принял. Леди Блэкбоу это не нравилось, однако она понимала, что Бладсворд имеет право делать, что считает нужным.

По пути отряд повстречался еще с одной небольшой группкой дикарей, малочисленной и не посмевшей подойти ближе. Ильме не позволили с ними разобраться. Женщина сверлила убегающих врагов взглядом, крутилась в седле, с вызовом глядела на Мортонна, готовая проковырять в нем дыру без меча, и молчала. Более шанса покончить с ненавистными местными жителями не представилось.

Львиная доля людей Ильмы была лишена лошадей, и путь до лагеря занял почти четверо суток. Каждую ночь Мортон выставлял дозорных, а Ильма, как только наместник отправлялся на покой, добавляла еще караульных, и по несколько часов сама следила за безопасностью.

Бладсворд действительно не зря провел годы в Санфелле, в отличии от мужа леди Блэкбоу, предпочитающего передвигаться в карете, с огромным количеством остановок, не ставший сиром мужчина переживал путь без проблем. Он сидел в седле, словно в нем родился и рос, лишь под вечер кривил лицо, а спрыгивая на землю тихо стонал и держался рукой за поясницу. Он надеялся, что никто не заметит. Ильма была приучена обращать внимание на все.

Несмотря на любовь к путешествиям и походам, на удовольствие от сражения и ночи во временном лагере посреди природы, леди Блэкбоу испытала истинную радость при виде стен. Это поселение лагерем можно было назвать только условно, на деле две стены из четырех уже отстроили из камня как минимум на полтора человеческих роста, а сверху желающих перебраться ожидали дозорные и ряд хорошо заточенных деревянных копий. Строительство не прекращалось.

Частоколы, рвы, деревянные и каменные постройки располагались вокруг монументального и внушительного строения. Пока от замка возвели лишь малую толику, преимущественно выдолбив помещения ниже уровня земли и используя камни для возведения стен. Деревянные куски укрепления перемежались с серыми каменными, две крепкие башни, стоящие в данный момент отдельно, уже выполняющие свои функции. К обеим вели внешние лестницы,

а в северной устраивали покои для редких в данных краях знатных дам. Ильма ни ночи не ночевала в защищенном строении.

У ворот отряду пришлось остановиться. После недолгих переговоров из-за стен вышел коренастый мужчина с развороченной когда-то нижней частью лица. Казалось, что его то ли рубили мечами, то ли потрошили когтями. Теперь раны кое как заросли, но кожа местами проваливалась внутрь или же, напротив, выступала отвратительными буграми. Части губ вовсе не имелось, от носа осталась разве что половина, а подбородок торчал вперед и в местах, где не было шрамов, порос жесткими длинными черными волосками.

При этом говорил встречающий почти нормально, если не обращать внимания на неподвижную половину рта и просвечивающие в дырке зубы. Он назвался Хротом и источал доброжелательность.

Бладсворд спешил без посторонней помощи, Ильме же столь настойчиво предлагал руку отправленный хозяином лагеря встречающий, что она вынуждено приняла ее. Мужчина, хоть и оказался с леди одного роста, удивительно легко удержал Блэкбоу, словно та ничего не весели. Он все время улыбался, а повернувшись менее пострадавшей частью лица, начал выглядеть весьма привлекательно и почему-то знакомо. Быть может, воин Айронглау? Или когда-то служил Эблфайтам?

– Мы очень рады вновь видеть вас, миледи, – словно подтверждая догадки, произнес Хрот. Возможно, в прошлый приезд леди встречала его невредимым и потому не узнавала.

– Некогда любезничать, мне нужно поговорить с вашим хозяином, – грубо прервал начавший завязываться разговор Бладсворд. Ильма кивнула и поравнялась с правителем. Провожающий повел отряд от ворот вглубь, к замку, до которого следовало еще подниматься по деревянным пока лестницам.

Люди из королевства не переставали пребывать, постепенно вокруг замка уже начали расстраивать город. В самых удачных местах расположились кузни, дома лекарей, конюхи, советники, рыцари и другие уважаемые люди. Ярусом ниже и ближе к стенам – пекари, рыбаки, охотники. Все они накрепко заняли свои места, и Ильма не сомневалась, что спустя время кузнечная мастерская так и останется у самой лестницы в замок. Нынешний ее хозяин передаст наследие детям, и те костями лягут, но не отдадут выгодной территории никому другому. Скорее всего, даже сейчас шла война за месторасположение.

Догадку подтверждало двухуровневое строение, нижний этаж которого сложили из камня так, что почти не имелось окон. В некотором отдалении от него стоял такой же дом с первым мощным этажом, а вторым из дерева. На крепкой двери Ильма разглядела красную петлю – символ палачей Ферстленда, вероятно, теперь и Новых Земель. Скорее всего более длинное здание чуть поодаль являлось тюрьмой. Ближе к центру лагеря стоял деревянный помост, несколько столбов, на которых висели деревянные с металлическими вставками клетки и стояли две виселицы. В одной клетке, держась руками за прутья, томился человек.

Леди Блэкбоу прищурилась, чтобы разглядеть его получше. Истощенный, с кожей, покрытой волдырями и следами от уже лопнувших вздутий, он смотрел в никуда, но еще дышал и открывал рот. Провожающий заметил, что привлекло внимание Ильмы.

– Не повезло ему, крепкий оказался, – с искренним сочувствием произнес Хрот, – В королевстве, говорят, уже в каждом городе птицы приученные живут, как только клетку с преступником поднимаешь, это для них приглашение на обед. Кто-то говорит – жестоко, а как по мне – так страдания быстрее кончаются. Почти сразу осужденный глаз лишается и не может видеть, что с ним за дни происходит. Через пару дней уже от него ничего не остается. Висит бездыханное тело, чтобы других поучать. А здесь ни птиц, ни крыс почти нет. Не нравится им здесь, или не знают, что пожить могут. Вот и страдают бедняги, пока Боги на них не обратят внимания. Оно нескоро бывает, королевство им, Богам, интереснее. А если дожди идут,

несчастные – не Боги, а эти, преступники, еще и чего-то выпить успевают. Не понимают, что от этого только продлевают мучения. Но оно ж понятно, жить всякому охота. Сколько дают

– Не думаю, что птицы облегчают страдания, – с сомнением поделилась размышлениями Ильма.

– Облегчают, точно вам говорю. Умирают быстрее. Если все равно умирать суждено, то лучше за три дня справиться, а не за семь.

– А за что его в клетку уперли? Украл чего?

– Предал, – расплывчато ответил Хрот, – Против своих же пошел, кого защищать обязан.

– За семь дней больше шансов выбраться или получить оправдание, – вмешался в разговор Бладсворд. Ему не понравилось разглядывать умирающего, – Отвратительное зрелище. Лучше казните его, как положено и проводите, наконец, к Уэйгу.

– Снимем и казним, раз надобно. Милорд Уэйг ждет вас в своем доме, – поспешил заверить Бладсворда Хрот.

– Он не милорд, – хмуро огрызнулся Мортон, – Уэйг – один из сотен бастардов. Ему повезло оказаться в нужном месте и отправиться сюда главарем полчища таких же простолюдин. Но то, что его мать приглянулась лорду не делает из него знатного человека.

Ильма заметила перемены в лице добряка Хрота и поняла – она совсем не зря отправилась вместе с правителем. С таким характером ужиться в Новых Землях, где царят иные законы, Бладсворду будет совсем нелегко.

Глава XXXV. Арло

Деревья, кусты, высокая трава, глубокие лужи, ямы, холмики земли – из этого состоял теперь день Арло. Он не жаловался в первые сутки. Мужественно терпел, молчал, не позволял себе попросить Винсента остановиться, чтобы хоть немного отдохнуть.

В тот страшный, грозящий смертью, но при этом счастливейший из дней, когда пленники сумели сбежать, писарь едва сдерживал чувства. Мучители почти настигли их, они добрались до места, где прятались беглецы, но в темноте никого не заметили. Что-то привлекло внимание культистов, какой-то шум в другой стороне. Может, последовавшие примеру освободившиеся жертвы, может, зверье – не имело значения что, но оно спасло жизнь Флейму и его приятелю. Если бы Арло спросили, о чем он думал, пока ждал развязки, он бы поведал о том, как вспоминал и всю живущую родню, и предков, давно покинувших мир, и Богов, и духов, и любого, кого только мог представить, о ком слышал на обоих материках. Скорее всего, некоторую часть Арло выдумал, его воспаленный от усталости, голода и страха разум любезно предлагал столько всевозможных безумных существ, соединяя известных Флейму, что стоило опасаться, не получил ли писарь в самом деле увечье разума. Настоящими они были или нет, на всякий случай мужчина все равно обратился и к ним.

До утра беглецы лежали, закопавшись в листьях, ветках, грязи и мхе. Арло старался не двигаться, реже дышать, закрывал глаза, вслушиваясь в жизнь леса. Казалось, он должен был уснуть, но не сумел провести в умиротворяющем отдыхе ни минуты. Некоторое время в отдалении слышались голоса и шаги, культисты кричали, что кого-то поймали. Этот некто выл, словно загнанный в угол зверь, из последних сил, пока его не прервали. Писаря подобное лишало последних крупиц надежды, а переговорить с Винсентом не выходило – оба раза, когда он только поворачивался в сторону юноши, тот шикал на него и безмолвное ожидание продолжалось.

Лишь уже когда начало светать, а тело затекло настолько, что едва получалось повернуться без стонов, Виллингпэриш решился отправляться в путь. Приятель по-прежнему ничего не произносил, предпочитая вместо этого обходиться жестами. Арло покорно следовал за северянином, больше ему ничего не оставалось.

Пробирались через лес сбежавшие жертвы Культа Первых осторожно, медленно, даже слишком неторопливо для желающих отдаляться от преследователей – озлобленных, жаждущих крови, полных сил, выносливых и неспособных к сочувствию людей. Сомневаться не приходилось – Роул всенепременно потратит еще день, два, а то и больше ради шанса отыскать пленников. Возможно, он не довезет беглецов до места назначения, предпочтет сразу же с ними по квитаться так, чтобы ни они, ни их братья и сестры по несчастью более никогда не решились повторить подвиг. Почти наверняка писарь знал – он не умрет быстро, и горько пожалеет об этом.

Порой Арло казалось, что предводитель жестоких почитателей Древневысцев, как их называли жители Новых Земель, испытывает лично к нему какую-то неприязнь. Флейм нередко замечал полные ненависти взгляды, слышал насмешки, постоянно получал тычки, подножки, удары, а после и бусы из пальцев Роул особенно яро ненавидел писаря из Дэйбрейка. Сильнее, чем кого-либо иного. Но что послужило причиной, мужчина спрашивать побоялся.

Нанизанные на веревку неровно отрезанные скрюченные части конечности по-прежнему болтались на шее. Они раскачивались в такт движениям, а Флейм настолько привык не обращать на них внимания, приучил себя, что ощутил лишний груз только сосредоточившись на думах о нелегкой судьбе.

– Нет, – прошипел, обернувшись, Винсент. Он опасался привлечь голосом недругов, за время молчания голосовые связки несколько подрастеряли мощь, и потому только с четвертого раза Арло сумел понять, что от него хотят, – Не выбрасывай.

Писарь остановился, замерев с приподнятой рукой и зажатым в ней ожерельем. Только знание того, из чего состоит украшение, позволяло разглядеть в грязи очертания фаланг. Он в самом деле планировал выбросить ношу так далеко, как только получится.

– Почему?

– Не надо. Оставь! – Винсент не отрывал взгляда от веревки, – Надо.

– Для чего? Я не хочу больше смотреть на это.

– Не смотри.

– Они на меня давят. Это не нужно.

– Мне нужно. Я хочу смотреть.

– Не надо Больно вспоминать.

– Я хочу помнить. Это поможет. Это не даст забывать, ради чего мы идем вперед. Почему нельзя останавливаться, – лорд отвернулся, он говорил тихо, но Арло все равно слышал. То ли научился вслушиваться и привык к голосу, то ли просто додумывал окончания фраз за приятеля, – Чтобы не сдаваться.

– Тебе не хватает другого для воспоминаний?

– Этого?

Винсент поднял руку с обрубками и чуть покрутил ею в воздухе. То, что вызывало у Арло ужас и отвращение, страх, желание отвернуться, вновь и вновь чувствуя собственную ничтожность, у Винсента пробуждало ярость. Он кривил губы в отвратительную улыбку, злую, хищную, безумную. Она казалась ничуть не лучше, чем самодовольная усмешка Роула, а порой и страшнее ее.

Уродство Виллингпэриша лишь заставляло юношу действовать, пытки побуждали его бежать, думать, искать способ извернуться, идти вперед. В то время как Флейм пугался и становился с каждым разом тише и спокойнее, смиреннее, его приятель, напротив, только злился, убеждаясь в верности принятых решений. Увечье добавляло ему сил.

– Да, – кивнул писарь, отводя взгляд. Совесть не переставала терзать его. Осознание никчемности не оставляло в покое ни на минуту. Как бы Арло ни пытался держаться, как бы он ни отгонял дурные мысли прочь, они продолжали набегать на него. Напрыгивали в самые неудачные моменты.

– Недостаточно. Этого мало. Я видел людей, которые сдались, когда не должны были. Видел тех, кто шел, бежал, не сворачивая с пути. Но после им не доставало сил, чтобы совершить последний шаг и победить. Для того, чтобы справиться. Они просто Опускали руки. Как мой отец.

Арло оторвался от созерцания корней дерева. Виллингпэриш дышал так, что его ноздри раздувались, но при том не издавал лишнего шума. Приятель научился злиться тихо, про себя, но так и не сумел обучиться подавлять чувства. Из-за этого отметин на его теле было больше, чем у многих иных.

Верно, стоило поинтересоваться, спросить про отца, а может, посочувствовать, но Флейм не знал, с чего лучше начать. Винсент никогда не требовал участия, и продолжал беседу сам, если в ней нуждался.

– Он был неплохим человеком. Или хорошим. Слишком мягким для севера и тем более правления. Да, пожалуй, хорошим, но не умел добиваться чего следовало. Так получилось, что десять лет назад он сдался. Не нашел храбрости, или чего-то еще, чтобы продолжать идти вперед, что бы ни происходило. Этим славился весь наш род – мы не останавливались на достигнутом, чего бы нам это ни стоило. Теряли близких, получали увечья, страдали, но не сдавались. Говорили, что мы пошли от Первых из Холдбистов.

Речь отнимала силы у Винсента, он облокотился о дерево, почти повис на низкорастущих толстых ветвях. Арло опустился на колени, желая дать отдыха ногам. Рассказ друга его интересовал, но куда больше радовало наличие привала.

– Наш прародитель был бастардом какого-то там по счету из Династии. Мне часто рассказывали в детстве легенды. Помню, якобы вместе с кровью Холдбиста нам достался и великий дар – мы не обращаем внимания на боль, если у нас есть цель. Когда увлечены, то раны, ушибы, переломы – источник злости и силы. Наш род во все войны считался опасным противником, а враги твердили, что мы не только бесчувственны, но и способны влиять на других – усиливать их боль или ослаблять ее. Глупость, в которую хотелось верить в детстве.

– Не знаю глупость ли. После того, как меня выкрали из дома, чтобы протащить через половину Ферстленда ради Ради какого-то непонятого ритуала, после того, что мне довелось видеть, – Арло вздрогнул, когда что-то недалеко зашелестело и чуть не забыл о чем говорил, – Я видел Говорящих-с-духами, отмеченных, разнообразные клыки, рога и кости удивительных животных. Теперь мне уже ничто не кажется глупостью. Но мы можем говорить и идти?

– Можем, – согласился лорд севера и, наконец, двинулся в нужном направлении. Он замолчал, писарь понял, что зря прервал момент откровения. Виллингпэриш редко затевал душевные разговоры, мало говорил, зато терпеливо слушал. Было неверным его затыкать.

– А дальше?

– Тебе интересно?

– Да.

– Когда я был ребенком мне часто твердили о величии нашего рода. Всем твердят, тебе тоже?

– Не особо. Мой отец – писарь, а не лорд, и я не лорд. Меня обучали другим вещам.

– Чтобы быть лордом учиться не надо. Только родиться. Для хвастовства и самолюбования этого хватает.

– Может.

– Мне говорили, что мы лучше и сильнее всех. Кроме наших правителей Холдбистов, но оно и понятно – мы произошли от них. Отец твердил про могущество. Он говорил, мы непобедимы, нас не сломить. Сам он предпочел проиграть.

– В чем?

– Во всем. Не помню, с кем он в те времена поспорил. Может, был должен. Отца пленили, его пытали. Думаю, над ним издевались только ради удовольствия. Мы не самый богатый род. Но мы заплатили бы за него сразу. Никаких тайн он не знал. Но после всего он сбежал. Сумел в одиночку не только добраться до наших земель, но и до дома. Без еды, без оружия, без теплой одежды. Шел через леса, по сугробам, не позволяя себя выследить. Он отправил послание лорду Холдбисту, чтобы тот разобрался с обидчиком.

– После этого ты утверждаешь, что он сдался? – Арло хотел бы стать таким же слабым, как лорд Виллингпэриш. Он бы в одиночку не выбрался даже из телеги.

– Это не вся история.

Беглецы снова остановились. Винсент долго дышал, старался делать глубокие вдохи, но никак не выходило. Арло ждал.

– Отец заболел после того побега. Лекари думали он промерз, а горе от потери приближенных помогло болезни захватить тело. Только я верил, что правитель нашего рода не может сломаться. Он не может поддаться после долгого пути. Я верил ему! И верил в него! Доказывал всем, что мой отец никогда не сломается. Но он предпочел умереть. Это проще, чем продолжать борьбу. Проще, чем решать конфликты. Проще, чем заставлять себя пить отвары! Я не сразу поверил, когда мне сообщили о его смерти. Помню, что два дня я думал, что это шутка и требовал у отца подняться и поиграть со мной

– Тебе было сколько? Четыре? Пять? – Арло переживал, что его отец не доживет до возвращения сына, но был уже достаточно взрослый, чтобы понимать – такова жизнь. Лишиться семьи в детстве намного тяжелее, – Ты же был слишком мал

– Шесть, а может уже семь. Достаточно, чтобы понимать, что происходит. Мать через четыре месяца умерла родами, брат родился мертвым. Ребенок был слишком мал, чтобы сражаться и понимать, как это делать. Обвинять мать в слабости я не могу – она женщина, да и к тому же, хоть и вышла замуж за моего отца, она не была Виллингпэришем по крови. Она имела право сдаваться.

Винсент снова двинулся в путь, Арло медленно ковылял следом. Ноги почти не держали его, но идти было лучше, чем стоять.

– Лорд Виллингпэриш не хотел тебя оставлять. Думаю, причина в болезни.

– Причина в том, что он сдался. Он не захотел сражаться. Не знал, как будет жить дальше. Я слышал, как он говорил это.

Плен все же повлиял на разум Винсента. Арло долгое время не желал признавать этого, но после подобных заявлений не находил иного оправдания. Безумие юноши имело почву под собой, Флейм и сам, скорее всего, лишился ума и никогда не станет прежним человеком, но жизнь была благосклоннее к мужчине. Он никогда не бывал по ту сторону Врат, ему не отрезал пальцы друг, к тому же ему было в два раза больше лет.

У писаря не возникало ни единой мысли рассердиться на приятеля, посчитать его глупцом или недостойным человеком. Несмотря на безумие, Винсент по-прежнему заслуживал уважения, сочувствия и понимания. Более, чем Флейм.

– Но мне повезло, за мое воспитание взялся дядя, – обернулся на пару мгновений Виллингпэриш, – Он научил меня не сдаваться, объяснил, обучил идти до конца, добиваться желаемого. Иногда мне казалось, что он слишком жесток и груб со мной. Теперь я ему благодарен. Он бывал в Новых Землях, помогал Глейгримам отвоевать земли для лагеря, а после и Дримленсам. Думаю, ты знаешь, они обустроили один. Давно уже. Но не стали возводить замок, не выгодно.

– Да, моя родня просила тот кусок. Но его отдали Бладсвордам. Меня не очень интересовали обиды лордов. Из-за куска земли не было войны. а раз не было, толку писать что-то?

– Когда стало понятно, что Глейгримам – приятелю с трудом давались долгие беседы. Пожалуй, со стороны беглецы походили на больных, то, что занимало у обычного человека минуту, они могли произносить три. Прежде, чем договорить одно предложение порой они проходили четыре дерева, а передвигались они весьма неторопливо, – достались отвратные земли, они дождались смены власти. Нового короля. Попросили право занять еще один кусок. Когда у короля Гийера Старская появилось на это время, им уже захотели помочь и северяне. После союза леди Эббианы с Холдбистами. Оба моих дяди вызвались помогать. Один остался там. Три года назад его убили, но я точно знаю, что там живут его сын и дочери. Никогда их не видел Старший вернулся воспитывать меня. Он лишился руки в Новых Землях, но привез с собой ее и голову дикаря. Того, кто виновен в увечьи. Мне нравилось на ее смотреть. Дядя обучился сражаться второй рукой, делать все ею, и обходиться без помощи. Он хранит свою часть тела как трофей. Чтобы знать, помнить, что он может все.

Арло ошибался, решив, что культисты повлияли на Винсента. Похоже, тянулось все из детства и душевнобольным был еще дядя. Скорее всего в ситуации опасности юноша пытался походить на родственника, хотел чувствовать уверенность, не бояться и таким образом обретал какую-то поддержку. Разочаровывать приятеля, поясняя что родственнику пора бы немного пожить на Острове Фейт, а не воспитывать детей и править от их имени, Флейм не стал. Если северянину проще повторять судьбу выжившего в Новых Землях, пусть так. От Арло не убудет, а Винсенту может придать сил.

Разговор на этом закончился, Виллингпэриш совсем устал говорить.

Из-за долгих дней в заточении тело истощилось, любые преграды становились едва преодолимыми, приходилось выбирать, на чем концентрироваться – на беседе или пути. Приятели неизменно выбирали второе. Когда культисты останутся далеко позади, не способные дотянуться до беглецов, когда придет уверенность, что никто не идет по пятам, а безопасность перестанет быть навязчивой идеей, обратится в обычное состояние, можно будет отдавать предпочтение разговорам. Но ни днем ранее. Наступит ли такой день?

Лес не заканчивался.

Флейм совершенно не ориентировался без дорог и городов. Он редко покидал Дэйбрейк и никогда не отправлялся за городские стены без компании и проводника. Винсент шел уверенно, не тратя время на размышления, не позволяя сидеть на месте лишнего. Приятели спали по очереди, порой Арло засыпал во время дежурства, но северянин ни разу не поставил это в укор мужчине.

Еда понемногу подходила к концу, охотиться без инструментов и оружия не получалось, никакие силки из обрывков веревок и одежд не работали – лорды не умели их ставить. Жизнь оставалась тяжелой, судьба словно смеялась над выбравшимися из плена. Быть может, Боги или духи жаждали глядеть на страдания изо дня в день, обозленные, что о них не вспоминали в хорошие времена.

На пути встретился небольшой ручеек, в нем приятели обнаружили мелких рыбех, резвящихся и разбегающихся в стороны при любой попытке их схватить или подобраться поближе. Желание получить пропитание настолько занимало беглецов, что они остановились у воды и до темноты боролись со скользкими речными жителями. Арло удалось выхватить всего восемь, а Винсенту с его покалеченной рукой – пять. Веса в добыче почти не было, одни только кости, чешуя и плавники, но спасшиеся от Культа Первых радовались, словно попали на пир. Они слопали рыбу сырой, отплеываясь от слишком острых и несъедобных частей. Костер разводить было опасно, потрошить и что-то выбрасывать – расточительно. Плен приучил пользоваться всем, что только попадаетеся и быть благодарным.

Вечером приятели легли спать не совсем голодными, и в душе Арло пробудилась надежда.

Следующий день не отличался от предыдущего почти ничем, кроме количества добычи – удалось выловить всего шесть, три почти невесомые рыбины вместо завтрака походили на издевательство. С тоской Флейм подумал, что пленникам наверняка выдали по лепешке и, учитывая холодные ночи, по половинке кружки похлебки. А если пленителям повезло с добычей на охоте или рыбалке, то те, скорее всего, расщедрились на целую кружку теплой еды. На самом деле ту же порцию, но разбавленную горячей водой. Такая пища согревала, в животе появлялась тяжесть и день казался чуть светлее. Сами мучители ели горячую похлебку первыми, наваристую, самую жирную и питательную часть вылавливали себе. Ценным, большим, тихим и покорным жертвам приносили обычно уже несколько остывшую еду, а получающие последние порции, такие как Винсент, довольствовались едва теплой субстанцией и холодными лепешками. Но и это теперь виделось изысканным яством, сытнее и приятнее на вкус склизкой свежей рыбы размером чуть более указательного пальца. Чтобы она была способна кого-то прокормить, сначала следовало бы откормить ее саму.

Винсент сжалился над приятелем и вручил тому и себе по куску лепешки – уже зачерствевшие, где-то покрывшиеся беловатым пушком плесени запасы беглецы хранили на черный день. К середине дня писарь поднял голову, увидел неподалеку кусты, обсыпанные ягодами, и едва не расплакался от радости. Оголодавший с утра, он с удовольствием набросился на подарок природы. Северянин присоединился к пиру, но набивал живот не так ярко, предпочитал больше складывать в сумку, чтобы есть постепенно. С одной стороны Арло понимал, что это правильно, но с другой С другой он не сумел оторваться. Ему хотелось есть, и теперь, наконец-то, появилась возможность хоть сколько-то насытиться. Вдруг, это его последний шанс?

Мужчина срывал плоды, часто вместе с листьями и отправлял гость за горстью в рот. Поначалу он не разбирал вкуса, ему было все равно, но на шестой или седьмой горсти мужчина понял, что в жизни не ел ничего столь же ароматного, кисловато-сладкого и сочного. Через некоторое время Винсент попытался прервать Арло – он брал друга за руку, дергал, убеждая прекратить и дать телу привыкнуть к новой еде. Писарь не слушал глупца, сумевшего остановиться после пары-тройки десятков плодов. Вероятно, он просто не чувствовал такого звериного голода.

Вскоре Флейм понял, что зря не послушал спутника.

Когда мужчина наклонился, чтобы поднять просыпавшиеся красные плоды, в последнее время он сделался невероятно жадным, из его носа полилось что-то красноватое. Первой мыслью в голове забилося, предположение, что это кровь, и писарь будто почувствовал скорое приближение смерти. Лишь после долгих минут паники, уговоров Винсента, изучения пальцев, покрытых остатками полупрозрачной жидкости, Арло согласился – его перепугал ягодный сок, полившийся из сдавленного наклоном желудка.

То ли из-за страха, то ли из-за огромного количества ягод Флейму поплохело. Всего через час или около того он скорчился на земле. Выть и скулить не выходило, живот скручивало, и Арло будто выворачивало наизнанку. Пришлось остановить продвижение вперед, так как никуда дальше кустов мужчина не доползал. Винсент в припасенной расколотой кружке носил приятелю воду из ручья, благо они отошли совсем недалеко. В этот раз их медлительность и постоянные остановки были к лучшему.

Что происходило в тот день и ночью, Арло помнил плохо. Большую часть времени он страдал, ерзал на земле, желая отыскать положение, при котором ничего не болит и мечтал умереть. Смерть стала видиться ему выходом почти из любой неприятной ситуации. Хотя писарь ее и боялся – он не знал, что будет после, – и совсем не желал оканчивать путь, постоянные приступы боли вперемишку с бесконечным страхом вынуждали мечтать об избавлении.

Только к утру самочувствие немного улучшилось, а к обеду мужчина снова пожелал есть.

– Потерпи хотя бы до вечера, не то снова будешь мучиться животом, – посоветовал юноша. Арло сердился на предложение, он был вполне способен самостоятельно решать, когда и что делать. Кроме того, Флейм переживал, что спутник решит вдоволь полакомиться двойной порцией, раз уж такая беда приключилась с писарем. Об этом он, разумеется, говорить не стал, спорить или что-то доказывать тоже – непродолжительная болезнь отняла у него оставшиеся силы.

Северянин снова погнал их вперед. Идти получалось еще медленнее, Арло требовались перерывы на отдых, Винсент безмолвно останавливался. Из его уст вновь не прозвучало ни слова осуждения, ни единым намеком или движением юноша не демонстрировал намерения бросить больного, лишь глядел вперед суровее обычного.

Пальцы теперь болтались на его шее, но если Арло с обрубками приобретал несчастный и жалкий вид, Виллингпэриш, напротив, казался более угрожающим. С таким врагом лишний раз сталкиваться не стоит – вот что говорили бусы.

Вопреки опасениям жителя Дэйбрейка, северянин поддерживал приятеля и тоже ничего не ел. Он терпел, шел первым, помогал мужчине, когда тому становилось не по себе, тащил его на холм, и не пытался даже по-тихому притронуться к скудным запасам.

Новый ручеек, мелкий, грязный, дно которого покрывали гниющие листья, ветви и ил, был малопригоден для путников, однако Виллингпэриш забрался выше, туда, где вода выглядела светлее и принес Арло напиться. Поживиться же было нечем, вместо рыбок приятели подкрепились лепешками. Арло хотел взять еще ягод из сумки, но понял предупреждающий взгляд и вернул все плоды на место.

К утру живот перестал ныть. Винсент выудил кусочки мяса и засохших клубней, которые приходилось обсасывать очень долго, чтобы хоть немного размочить прежде, чем они начи-

нали разжевывать. В принципе, это было даже хорошо – беглецы надолго занялись делом, при этом чувствуя вкус еды. Настроение поднялось, писарь решил рассказать о своей жизни и том, что он видел в Дэйбрейке. Винсента куда больше интересовало находящееся за пределами замка, но поскольку Флейм предпочитал не рисковать и не выбирался за стены чаще, чем требовалось, тем более, не углублялся в опасные леса, делился он не своим опытом, а услышанным от путников, Говорящих, тех, кого жители Ферстленда называли дикарями и воинов, кочующих из одного поселения в другое.

Признаваться, что за прожитые годы он не посмотрел мира вокруг Арло было стыдно. Да, Виллингпэриш не походил на даму, на которую следует производить впечатление, но... Юноша – а друг был слишком молод для того, чтобы зваться мужчиной – вспоминал о том, с чем успел столкнуться на севере, рассказывал о зверье, которое убил на охоте, о том, как попал в бурю с дядей, о том как провожал сестру, когда ее отправляли в дом к мужу, и расписывал обряд. Перечислить цветы и украшения, сказать какого рода блюда стояли на столах и назвать танцы, по словам северянина, ему не удалось бы и на следующий день, зато он хорошо запомнил, что за турниры проводились в честь союза, кто был его противником, поведал о победителе развлечения и случайно погибшем оруженосце.

Битва тех, кто обучается у рыцарей, практиковалась на юге и востоке намного шире, чем на западе и севере. Дримленсы и Глейгримы не любили поединки тяжелым смертоносным оружием, тем более среди молодняка, отдавая предпочтение скорее применению хитростей и ума на поле боя. Рыцари Редглассов не чурались пользоваться ядами, и Дримленсы не особо отставали от них, а Глейгримы отправляли тех воителей, что легко просчитывали противника, обходясь скорее быстрым обменом ударами, выбивающими оружие или роняющими закованных в доспехи противников. На севере турниры занимали почетное место, но там предпочитали не мечи и булавы, а копья и дубины. Считалось, что на это влияло еще и наличие лесов. К тому же древковое оружие чаще всего причиняло меньше вреда и его было довольно легко изготовить. Железные доспехи прекрасно от него защищали и помогали участникам побеждать, получая при этом куда меньше травм.

Оруженосцы сражались лишь раз за турнир, группами по трое или пятеро, изредка, когда приезжали гости – по два десятка, каждый против всех, пока на ногах не оставался один победитель. Молодые и без того нередко умирали в суровых землях, поэтому северяне прилагали усилия, чтобы и не нарушать традиций, но при этом не терять лишних людей. Чаще всего подобные схватки заканчивались вполне ожидаемо – синяками, порой небольшими дырками в теле, или, преимущественно, в конечностях, ссадинами и сломанным оружием. Это не могло убить, лекари работали рядом с ристалищем, население не уменьшалось.

С другой стороны, в преддверии турниров по случаю важных церемоний или приезда правителей других Династий разворачивались настоящие схватки и битвы за само место на ристалище, и в них часто бывали и серьезно раненные, и убитые. Никто не мог остановить юнцов, жаждущих прославиться. Только появление на турнире было способно обеспечить место у лучшего из рыцарей или среди воинов лорда, так как на поле боя пропускали лучших из лучших. Победа в один миг делала из мальчишки героя, мужчину, достойного лучшей доли, нежели начищать доспехи наставника или караулить его лошадь, пока тот справляет нужду. Учитывая, что шанс погибнуть был гораздо ниже, чем в походах, от желающих не было отбоя.

Винсент рассказал, что в день, когда его сестра вышла замуж, один юноша, довольно крепкий и подающий надежды, умер на турнире – кто-то неудачно сломал копьём его доспех, дерево расщепилось, и несколько тонких щепок пронзили лицо и шею несчастного. Лекари пытались спасти его, но не сумели. Смерть огорчила брачующихся, и чтобы Боги не гневались на них, те выплатили семье оруженосца и его наставнику приличную сумму.

При этом Винсент отмечал, что никого не напугали два десятка смертей и в два раза больше травм за пределами турнира, там, где на площадке стояли шатры, за которыми устра-

ивали настоящие кровопролитные, жестокие, продолжительные поединки мальчишки, желающие попасть на глаза лордам и леди. Подобные сражения не на жизнь, а на смерть обычно порицались ишь на словах и на публику, потому оруженосцы с пажами и прибывшими в гордом одиночестве мнящими себя воинами юнцами старались не попадаться никому на глаза. Правители либо делали вид, либо в самом деле не знали, что тела детей то и дело выносят подальше, чтобы наспех прикопать в земле или бросить в воду.

После подробностей, поведанных северянином, Арло усомнился, что хочет продолжать разговор. Приятель признался, что ему было любопытно и он несколько раз выбирался к шатрам поглазеть как живут люди, что происходит между сражениями, познакомиться с мальчишками своего возраста. Флейм подозревал, что лорд таким образом не только утолял свое любопытство, но и самоутверждался, однако вслух ничего говорить не стал. Он был совсем не в том положении, чтобы говорить хоть что-то, что может не понравится приятелю, тем более, из них двоих больше осуждения заслуживал Арло.

– Но ничто из того, что мне довелось увидеть, не сравнится с деяниями культистов, – в довершение заявил Винсент. Арло вздохнул, соглашаясь. После стольких циклов, а может и сезонов – существование слилось в один сплошной поток, большую часть которого ночь и день сменяли друг друга без ведома писаря – проведенных в заточении, ничто другое более, пожалуй, не сумело бы впечатлить сильнее.

Воспоминания захватили беглецов, разговор прекратился. До позднего вечера путники предпочитали молчать. Им не было нужды просить друг друга остановиться, они быстро понимали, что требовалось, за время подготовки к побегу, они каждый из них научился распознавать любые изменения, твердо зная, что нужно второму. Это помогало среди врагов и в темном лесу, на который опустились сумерки. Порой Арло казалось, что у него появился брат-близнец – обычно именно их считали образцом полного взаимопонимания. И как часто такие родственники не могли прожить один без другого, писарь не представлял существования без северянина.

Скорее всего именно из-за этой тесной связи, из-за привязанности и способности понимать по одному движению, по выражению лица или вздоху, что происходит, следующим вечером писарь взволновался сразу, как только увидел возвращающегося с разведки Винсента. Виллингпэриш тоже перемещался по лесу не лучшим образом, тем более уставший, Арло и подавно топтался, трескал ветками, наступал на сухие листья, бесконечно спотыкался и иногда падал. Лежать на одном месте у него получалось значительно лучше.

Беглецы договорились не разговаривать, пока не окажутся близко друг к другу, чтобы не привлечь никого лишнего, но Винсент в этот раз нарушил договоренность.

– Мы ходим кругами! – заявил он, когда оставалось не меньше четырех десятков нынешних шагов, – Проклятыми кругами! Выходи, поищем иной путь.

Северянин пнул траву и лежащую шишку. Она ударилась в стоящее неподалеку дерево. Писарь отметил, что для почти до смерти истощенного человека лорд проявляет слишком много горячности и тратит непозволительное количество сил на подобные проявления чувств. Следовательно, произошло что-то поистине неприятное, возможно, грозящее гибелью.

– Тише-тише Нас могут услышать, – прохрипел Флейм. Они не пили с прошлого дня, горло постоянно пересыхало.

– Я не слышу, что ты там бормочешь. Иди сюда!

Делать было больше нечего. Флейм, набравшись духа, выбрался из укрытия и медленно прошлепал в сторону приятеля. Тот продолжал сердиться, пнул траву еще раз, уже не столь яростно, скорее только обозначая недовольство, нежели в самом деле выражая его. Арло подумалось, что до плена, до Культа Первых и тяжелого времени, когда Виллингпэриш был здоров и крепок, от его любви пинать, а может, бить окружающее пространство вероятно страдали люди.

– А если они услышат нас? Если они все еще рыщут по лесу и тогда – называть вещи своими именами получалось не всегда, страх вынуждал изворачиваться, обходить углы, искать замены словам.

– Не услышат и не придут, – прервал писаря вассал Холдбистов, – Не ищут нас. Они ушли.

– Ты не можешь знать этого наверняка! Мы не должны рисковать, даже если есть небольшой шанс, что нас обнаружат Ты понимаешь, что с нами сделают? Ты можешь представить? – Арло озираясь, ему казалось, что изо всех кустов, из-за всех деревьев в один миг начнут выползать культисты. Подобно паукам, цепляясь за кору, спрыгивая с веток, выгибая спины и перебирая четырьмя конечностями. А часть мучителей спустится по веревке из листвы. Мужчина задрал голову, опасливо вглядываясь в начинающую желтеть крону.

– Да.

– Да Да? А я не могу и не желаю представлять! А уж пробовать на себе и подавно. Ни за что! Мы не можем попасться в этот раз.

– Пойдем. Хватит голосить! Иди за мной.

– Я не хочу никуда идти, пока ты не скажешь, что там увидел.

– Сам посмотри. Идем. Да идем же! – Винсент попытался ухватить упирающегося писаря. Его обрубки скользнули по руке, и он поймал бы ее, если оставшиеся фаланги не покачивались на его же шее.

Виллингпэриш сжал кулаки, а Флейм побледнел и опустил взгляд. Приятель, не произнося сверх сказанного ни слова, развернулся, Арло покорно последовал за ним. Совесть продолжала терзать мужчину всякий раз, как он вспоминал, чем обернулась его слабость и страх. Флейм не мог более спорить, так как понимал – только благодаря случайности и доброму соседу, решившему позаботиться о нем, он до сих пор жив и цел.

Просвет, если так можно было назвать заканчивающийся лес, Арло разглядел, так как все же поднял голову. Винсент шел, не останавливаясь, чуть размахивая руками, по-прежнему сердитый. Выбираться из чащи не хотелось, и писарь обрадовался, когда друг остановился. Виллингпэриш осмотрелся, оглянулся, и лишь после, опасливо выбрался на поляну, а затем и махнул напарнику

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.